

РУССКАЯ СМУТА 1917–1922

М.В. ОСЬКИН

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ И ЗАГОВОР 1917 г.

Русская смута 1917–1922

Максим Оськин

**Главкомандующие
фронтами и заговор 1917 г.**

«ВЕЧЕ»

Оськин М. В.

Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. /
М. В. Оськин — «ВЕЧЕ», — (Русская смута 1917–1922)

ISBN 978-5-4444-9093-8

Новая книга известного российского историка М.В. Оськина рассказывает о главнокомандующих фронтами Русской императорской армии эпохи Первой мировой войны: Н.В. Рузском, А.Н. Куропаткине, А.Е. Эверте, А.А. Брусилове, Н.Н. Юдениче. Автор детально разбирает успехи и промахи каждого полководца, рассматривает взаимоотношения генералов с политической элитой дореволюционной России и их участие в заговоре и революционных событиях 1917 г.

ISBN 978-5-4444-9093-8

© Оськин М. В.

© ВЕЧЕ

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
От войны до войны	8
Львовская эпопея	17
Варшава – Лодзь – Августов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

М.В. Оськин
Главкомандующие
фронтами и заговор 1917 г

Знак информационной продукции **12+**

© Оськин М.В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Большая европейская война, подготовлявшаяся великими державами Европы на протяжении более чем трех десятилетий (точкой отсчета здесь служит не столько 1871 год, сколько Берлинский конгресс 1878 г. и австро-прусский союз 1879 г.), в августе 1914 г. вылилась в Первую мировую войну, называемую современниками Великой войной. Ту войну, что с ожесточением велась в Европе, Азии и Африке, а также на обширных акваториях всех четырех океанов планеты, миллионными армиями. Ту войну, что впервые все противоборствующие стороны вели не столько в качестве государств, сколько в качестве наций, столкнувшихся друг с другом в борьбе за передел мира.

С самого начала конфликта в нем участвовала и Российская империя. Русский меч в ходе войны лежал тяжелым грузом на весах мирового противостояния, в момент наивысшего напряжения отвлекая на себя половину всех сил противников, в то время как союзники России (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Сербия, Румыния и проч.) сражались с другой половиной. Сочетание блестящих побед с тяжелыми поражениями, высокоманевренных наступательных действий с унылым окопным сидением, громадных потерь с обеих сторон – все это характеризует войну именно на Восточном (Русском) фронте, в отличие от Западного (Французского) фронта, с ноября 1914 по весну 1918 г. застывшего в статике окопной борьбы. Именно поэтому вклад Российской империи в общую победу неоценим.

Успешные победы на Восточном фронте сменялись тяжелыми поражениями, и наоборот. Галицийская битва, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции, Карпатская операция и Великое отступление 1915 г. – невзирая на все усилия неприятеля, Российская империя в первые полтора года войны выстояла и намеревалась продолжать борьбу.

1916 год должен был стать и во многом стал – переломным. Союзники по Антанте наладили военное производство, обрели боевой опыт, перехватили стратегическую инициативу. В кампании 1916 г. русская армия должна была играть немалую роль – только наступление.

К этому времени в составе русских вооруженных сил в принципе уже определился основной набор военачальников, прошедших испытания войной и в 1916 г. занимавших наиболее высокие должности на фронте. Выше прочих – посты главнокомандующих фронтами.

Большинство наиболее высокопоставленных полководцев русской армии начинали войну на Юго-Западном фронте, одерживавшем победы над австрийцами, в то время как армии Северо-Западного фронта уступали германским войскам. В начале войны Юго-Западный фронт имел четыре армии, и все четыре командарма в 1916 г. возглавляли фронты. Весь 1916 г. Западным фронтом прокомандовал командарм-4 образца 1914 г. А.Е. Эверт. Вторую половину 1916 г. Северным фронтом командовал командарм-3 Н.В. Рузский. Почти весь год Юго-Западным фронтом руководил командарм-8 А.А. Брусилов. Четвертый командарм 1914 г. – командарм-5 ген. П.А. Плеве на рубеже 1915/1916 гг. также получил назначение на командование Северным фронтом, но был вынужден оставить его ввиду болезни. Командующий Кавказской армией ген. Н.Н. Юденич командовал ею всю войну, вплоть до своей отставки в мае 1917 г. И лишь ген. А.Н. Куропаткин, командовавший Северным фронтом с 6 февраля по 22 июля 1916 г., был вызван из глубокого запаса чинов. И именно он был смещен генералом Рузским, как не оправдавший надежд и чаяний Верховного главнокомандующего императора Николая II.

Более того: назначенный в конце 1916 г. помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта В.В. Сахаров начал войну также на Юго-Западном фронте, равно как и сменивший его после революции Д.Г. Щербачев. Из 13 командармов конца 1916 г. (не считая Кавказской армии) лишь двое начали войну против немцев на Северо-Западном фронте. Таким образом, именно Юго-Западный фронт, как победоносный в начале войны, всю войну

давал русской действующей армии основную массу высших командных кадров. Перемена лиц высшего командования в годы войны – с 19 июля 1914 до февраля 1917 г.:

- Начальник штаба Верховного главнокомандующего – ген. М.В. Алексеев – в начале войны начальник штаба Юго-Западного фронта.

- главнокомандующий армиями Северного фронта – ген. Н.В. Рузский – в начале войны командарм-3 (Юго-Западный фронт).

- главнокомандующий армиями Западного фронта – ген. А.Е. Эверт – в начале войны командарм-4 (Юго-Западный фронт).

- главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта – ген. А.А. Брусилов – в начале войны командарм-8 (Юго-Западный фронт).

- Помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта – ген. В.В. Сахаров – в начале войны комкор-11 (Юго-Западный фронт).

- командарм-1 – ген. А.И. Литвинов – в начале войны комкор-5 (Юго-Западный фронт).

- командарм-2 – ген. В.В. Смирнов – в начале войны комкор-20 (Северо-Западный фронт).

- командарм-3 – ген. Л.В. Леш – в начале войны комкор-12 (Юго-Западный фронт).

- командарм-4 – ген. А.Ф. Рагоза – в начале войны комдив-19 (Юго-Западный фронт).

- командарм-5 – ген. А.М. Драгомиров – в начале войны командир 2-й отдельной кавалерийской бригады (Юго-Западный фронт).

- командарм-6 – ген. А.А. Цуриков – в начале войны комкор-24 (Юго-Западный фронт).

- командарм-7 – ген. Д.Г. Щербачев – в начале войны комкор-9 (Юго-Западный фронт).

- командарм-8 – ген. А.М. Каледин – в начале войны конкомдив-12 (Юго-Западный фронт).

- командарм-9 – ген. П.А. Лечицкий – в начале войны командарм-9 (Юго-Западный фронт).

- командарм-10 – ген. В.Н. Горбатовский – в начале войны комкор-19 (Юго-Западный фронт).

- командарм-11 – ген. Д.В. Баланин – в начале войны комдив-18 (Юго-Западный фронт).

- командарм-12 – ген. Р.Д. Радко-Дмитриев – в начале войны комкор-8 (Юго-Западный фронт).

- командарм Особой армии – ген. В.И. Гурко – в начале войны конкомдив-1 (Северо-Западный фронт).

- командарм Кавказской армии – ген. Н.Н. Юденич – в начале войны начальник штаба Кавказской армии.

Наиболее заметным событием 1916 г., равно как и вообще для Восточного фронта в Первой мировой войне, стал, разумеется, Брусиловский прорыв. Фигура А.А. Брусилова – наиболее известна, знаменита и исследуема. Тем не менее следует не забывать и других полководцев войны, не столь популярных, но не меньше Брусилова внесших свой вклад в грядущую победу Антанты в Первой мировой войне, пусть даже России и не пришлось воспользоваться плодами этой победы.

Глава 1

Главкосевзап Николай Владимирович Рузский

От войны до войны

Первый кавалер ордена Св. Георгия и один из четверых кавалеров ордена Св. Георгия 2-й степени в Первую мировую войну, генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский родился 6 марта 1854 г., в год первой Севастопольской обороны. По окончании 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, в 1870 г. он поступает во 2-е военное Константиновское училище, откуда в 1872 г. был выпущен подпоручиком с прикомандированием к лейб-гвардии Гренадерскому полку, став прапорщиком Гвардии. Подпоручик (1875), а затем – поручик (1877) Н.В. Рузский становится участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Перед тем молодой поручик получает свою первую награду – орден Св. Анны 4-й степени.

С июля 1877 г. поручик Рузский командует одной из рот своего полка. Как известно, Гвардия была вызвана из России после того, как провалились штурмы крепости Плевна, и стало ясно, что легкой и быстрой победы над упорным противником, вследствие роковых ошибок командования, не получится. Прибыв в Болгарию, Гвардия приняла участие в блокаде Плевны и сражениях за отдельные пункты, прикрывавшие сам хорошо укрепленный город. В числе прочих гвардейских частей, лейб-гвардии гренадерский полк участвовал в бою под Горным Дубняком 24 октября 1877 г., где гвардейцы атаковали в лоб турецкие укрепления. В результате неверной тактики, а также ожесточенного сопротивления потери русских составили около 3,6 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными. Турки потеряли 1,5 тыс. чел. убитыми и ранеными, а также 2,3 тыс. пленных. Гренадерский полк понес самые большие потери – 1017 чел.¹. Командиром атаковавшего гвардейского отряда был будущий фельдмаршал И.В. Гурко. В период Первой мировой войны на различных должностях, Н.В. Рузский будет уже командиром сына фельдмаршала – ген. В.И. Гурко.

Что касается боя под Горным Дубняком, то здесь поручик Рузский был ранен, после чего – отправлен в госпиталь. Лишь в марте 1878 г. он вновь примет под командование свою роту. В том же году Н.В. Рузский производится в штабс-капитаны Гвардии. Наградой за Русско-турецкую войну в 1878 г. стал орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Межвоенная карьера Н.В. Рузского протекала обычным порядком, как то было характерно для гвардейца и выпускника Николаевской академии Генерального штаба, которая в 1881 г. была окончена по 1-му разряду. Капитан, подполковник, полковник, генерал-майор – все эти ступени были пройдены Н.В. Рузским еще в конце XIX столетия. Служба шла в штабах Казанского и Киевского военного округов на адъютантских должностях, затем – последовательно в роли начальника штабов 11-й кавалерийской и 32-й пехотной дивизий. Таким образом, можно видеть, что ген. Н.В. Рузский должен был, по идее, прекрасно знать два из трех основных родов войск русской армии – пехоту и кавалерию. Награды за десятилетие 1883–1894 гг. были обычными для мирного периода: ордена Св. Станислава 2-й степени (1883), Св. Анны 2-й степени (1888), Св. Владимира 4-й степени (1891), Св. Владимира 3-й степени (1894).

Будущий полководец женился в 1884 г. на дочери отставного капитана – Зиновии Александровны Боржезовской, от брака с которой у него было три дочери.

¹ Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 264.

В должности командира 151-го Пятигорского пехотного полка в 1896 г. Н.В. Рузский производится в генерал-майоры, после чего, как генштабист, переводится в штаб Киевского военного округа на пост генерал-квартирмейстера. В качестве комполка Рузский также не избежал обычного для российской армии того времени явления – практики недолговременного командования полком офицером Генерального штаба, чтобы, отслужив необходимый командный ценз, быть повышенным по службе. Собственно, так оно и произошло. Именно за это в армейской среде не любили генштабистов, называя их «моментами» – то есть командирами на короткий срок, чтобы потом уйти в штаб.

В должности окружного генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа ген. Н.В. Рузский получает очередную награду – орден Св. Станислава 1-й степени. В апреле 1902 г. генерал Рузский переводится с повышением – на пост начальника штаба Виленского военного округа. Здесь же в 1903 г. он становится генерал-лейтенантом. Как видим, на рубеже веков в течение почти 7 лет ген. Н.В. Рузский служит в штабах пограничных военных округов, ориентированных на войну против Германии и Австро-Венгрии. Не довелось ему послужить разве что в Варшавском военном округе. Уже в этот период военной карьеры в деятельности ген. Н.В. Рузского проскальзывает его увлечение мелочами службы, в ущерб всесторонности и полноты взгляда, необходимых крупному полководцу. Мелочность и канцеляризм в принципе были свойственны верхам русской военной машины, воспитываемой бюрократически ориентированной на внешний порядок системой графа Д.А. Милютина. Это и позволило впоследствии характеризовать Рузского: «неглупый, довольно образованный, но очень слабый здоровьем человек»; приверженец уставных форм и тех мелочей, за деревьями которых всегда проглядывается лес².

Как другие будущие полководцы Первой мировой войны М.В. Алексеев и А.Е. Эверт, ген. Н.В. Рузский попадает на фронт Русско-японской войны 1904–1905 гг. после сражения на реке Шахэ, когда главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, ген. А.Н. Куропаткиным под давлением столицы было принято решение разделить Маньчжурскую армию на три. Командующим 2-й Маньчжурской армией был назначен командующий Виленским военным округом ген. О.К. Гриппенберг. Вместе с ним на аналогичную должность начальника штаба 2-й Маньчжурской армии отправился и его ближайший сотрудник генерал Рузский.

Первым сражением Русско-японской войны, в котором принял участие ген. Н.В. Рузский, стало сражение под Сандепу 12–16 января 1905 г., которое явилось последней попыткой ген. А.Н. Куропаткина вырвать у противника инициативу действий посредством разгрома основных сил японцев впредь до подхода к ним на подмогу высвободившейся после падения крепости Порт-Артур 3-й японской армии ген. М. Ноги.

2-я русская армия генерала Гриппенберга была предназначена для главного удара в предстоящем наступлении. Следовательно, Н.В. Рузскому выпал шанс проявить себя в качестве ближайшего помощника второго по значению в Маньчжурских армиях (после самого генерала Куропаткина) военачальника. В этот момент в состав 2-й армии входили 1-й Сибирский, Сводно-Стрелковый корпуса, а также 8-й и 10-й армейские корпуса. В частности, 5-й стрелковой бригадой Сводно-Стрелкового корпуса командовал полковник Н.Н. Юденич.

Уже в этом бою начальник штаба 2-й Маньчжурской армии проявил в своем командно-организационном творчестве те черты, которые особенно ярко выявятся в период Первой мировой войны, когда генерал Рузский станет занимать высшие командные посты в Действующей армии. Так, перед Сандепу Рузский чрезвычайно преувеличивал силы противника, как бы заранее готовя оправдание в случае своего поражения. Точно так же он действовал и в кампании 1914 г. против немцев в боях в Польше.

² Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 104.

6 января главнокомандующий ген. А.Н. Куропаткин отдал директиву о переходе в наступление последовательно всех трех армий. Однако при этом действия русских ставились в зависимости от контрдоводов противника, а в качестве определяющей рекомендации ставился переход к обороне в случае неприятельских контрударов. Что касается организационных моментов, то генерал Куропаткин запретил командармам производить перегруппировку вверенных им сил более полка даже в случае крайней необходимости. Это привело к тому ненормальному положению вещей, что командармы не могли распоряжаться собственными резервами, одновременно то и дело отправляя в резерв главкома все новые и новые части и подразделения. В частности, после войны, в своей работе «Изнанка Операции охвата левого фланга расположения армии Оку в январе 1905 года», О.К. Гриппенберг писал, что главнокомандующий запретил использовать в сражении при Сандепу 15-ю пехотную дивизию и 10-й армейский корпус вплоть до захвата самого Сандепу. Эта работа явилась ответом на обвинения в адрес командарма-2 со стороны А.Н. Куропаткина.

4 января 1905 г., на совещании высшего генералитета главнокомандующий Куропаткин запретил переходить линию между существующим положением в случае японского контрнаступления. Этим действия Гриппенберга были стеснены и лишены самостоятельности. В итоге на Сандепу непосредственно наступали только 1-й Сибирский и Сводно-Стрелковый корпуса общим числом в 47 батальонов. Два корпуса фактически остались вне операции. Во время самого сражения, начавшегося 12 января, ген. А.Н. Куропаткин чуть ли не каждые полчаса отправлял во 2-ю армию телеграммы (в том числе, и шифрованные) с указаниями, что делать дальше. Но при этом вовсе не давал резервов. Наиболее тяжелые бои развернулись в районе укрепленной деревни Хегоутоу, где атаковал 1-й Сибирский корпус ген. Г.К. Штакельберга. В бою под Хегоутоу 13–16 января русские потеряли 285 офицеров и почти 10 тыс. солдат – половину 1-го Сибирского корпуса.

Первоначально выделенные для атаки Сандепу 47 русских батальонов при 256 орудиях атаковали Сандепу, занятую всего лишь 5 японскими ротами. Превосходство русских в начале операции составило 40-кратную разницу. Первые атаки не принесли успеха, ибо оказанное упорное сопротивление побудило русских военачальников преувеличить силу японцев в Сандепу. Начальник штаба 2-й Маньчжурской армии ген. Н.В. Рузский внес в это преувеличение свою немалую лепту. В итоге русские дождались, пока японцы подвели резервы, а затем перешли в наступление на другом фланге. Участник обеих мировых войн, выдающийся советский военный инженер, пишет: «Боясь пройти в открытые промежутки мимо деревень, занятых ничтожными силами противника, и не имея возможности взять деревни, русские полководцы остановились... Оборона японцами Сандепу служит примером рационального использования фортификации. Правильно примененная узловая система укреплений позволила контратаками в промежутки нанести нам сильный удар»³.

Тем не менее в двухдневном сражении контратаки японцев были отбиты, и японский главнокомандующий маршал И. Ойяма принял решение отступать. В тот же момент, 16 января, командарм-2 провел перегруппировку с целью предпринять решительный штурм Сандепу, куда уже врывались стрелки. Но японцы в очередной раз были спасены русским главнокомандующим – Куропаткин приказал отступать на левый берег реки Хуньхэ (то есть к Мукдену), одновременно сняв с должности начальника 1-го Сибирского корпуса генерала Штакельберга – чуть ли не единственного русского военачальника, проявившего волю и упорство в достижении поставленной цели. Это решение являлось явно несправедливым. Участник всех войн первой половины XX века вспоминал: «В серой массе полков Маньчжурской армии скоро выделился один полк и подле него одна дивизия, один корпус. Это был 1-й Восточно-Сибирский Его Величества полк. То, что на его погонах стояло имя Государя, двигало его вперед. Под Вафангоу,

³ Карбышев Д.М. Избранные научные труды. М., 1962. С. 246–247.

Ляояном и Мукденом он увлекал за собой остальные полки. 1-й Восточно-Сибирский корпус являлся везде, когда нужно было спасти положение»⁴. Характерно, что Г.К. Штакельберг был старым соратником А.Н. Куропаткина по Ахалтекинской экспедиции 1882 г. Сразу после сражения разгневанный командарм-2 подал рапорт об отставке и послал телеграмму императору Николаю II с просьбой немедленно выехать в Санкт-Петербург.

Во всем этом свою роль сыграл начальник штаба 2-й Маньчжурской армии ген. Н.В. Рузский, о чем нам сообщает Ф.П. Рерберг. Конфликт между Куропаткиным и Гриппенбергом дошел до того, что начальник штаба 2-й армии ген. Н.В. Рузский одновременно давал информацию о своей армии и Гриппенбергу и Куропаткину, причем не то что без разрешения, но даже и без ведома своего непосредственного начальника – Гриппенберга. Действительно, такой порядок был введен главнокомандующим, когда сотрудники штаба были обязаны предоставлять в штаб главнокома копии всех распоряжений командарма. Но здесь генерал Рузский пошел дальше – он далеко не всегда информировал своего непосредственного начальника о тех сведениях, что отправлялись ген. А.Н. Куропаткину. Дело дошло до того, что Н.В. Рузский, выполняя, несомненно, приказ, но действуя вразрез с воинской этикой, даже передал А.Н. Куропаткину личный шифр командующего 2-й армией.

Как и следовало ожидать, узнав о двойной игре своего начальника штаба, генерал Гриппенберг, уже в свою очередь, перестал делиться планами с Рузским. Ведь одно дело – предоставление главнокомандующему копий официальных бумаг, и совсем другое – передача ему и многих планов, рассматриваемых в устных беседах командарма-2 со своими сотрудниками. Теперь уже командарм стал таиться от своего помощника. Командарм-1 ген. Н.П. Линевич 4 февраля 1905 г. отметил в своем дневнике: «Куропаткин сказал, что Гриппенберг в свои планы и предположения не только никого не посвящал, но даже и начальник штаба Рузский ничего не знал о предположениях Гриппенберга»⁵.

Наверное, ген. О.К. Гриппенбергу было неприятно видеть такие действия со стороны человека, с которым он два года плечо к плечу проработал в Виленском военном округе. Ситуация усугублялась еще и тем, что назначение Гриппенберга на должность командующего 2-й Маньчжурской армией было обставлено таким образом, что он расценивался как потенциальный преемник незадачливого главнокомандующего ген. А.Н. Куропаткина, умудрявшегося отдать противнику плоды победы даже в фактически выигранном им сражении (Ляоян). Именно поэтому немного выше и было сказано, что в начале 1905 г. командарм-2 являлся вторым по значению военачальником в Маньчжурии. Немудрено, что Куропаткин, бывший младше на десять лет, старался иметь максимум информации о деятельности Гриппенберга. Возможно, именно поэтому не была доведена до логического завершения успешно развивавшаяся операция под Сандепу, где лавры победителя доставались командарму-2. И вот нашелся помощник О.К. Гриппенберга, который старался предоставить главному требовавшуюся ему информацию, хотя служебные обязанности вовсе не требовали этого от генерала Рузского.

То есть в этом конфликте ген. Н.В. Рузский явно занимал сторону главнокомандующего генерала Куропаткина. Да и среди сотрудников генерала Рузского не существовало нормальных отношений. Граф А.А. Игнатьев описывает штаб 2-й армии перед операцией у Сандепу в таких словах: «Обед только что кончился, и в штабной столовой я застал только двух-трех незнакомых генштабистов, допивавших чай. Узнав о моем намерении явиться к начальнику штаба или хотя бы к генерал-квартирмейстеру, они заявили, что начальство занято и принять не сможет... Новые коллеги и генералы, прибывшие из России, имели твердое намерение показать нам, старым маньчжурцам, как следует воевать». И далее А.А. Игнатьев описывает выполнение им просьбы командира 1-го Сибирского корпуса ген. Г.К. Штакельберга под Сандепу:

⁴ Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 464.

⁵ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925. С. 73.

«К вечеру он попросил меня съездить в штаб 2-й армии узнать обстановку и причину приказа об отступлении. Но объяснять мне там что-либо никто не пожелал: я оставался чужим среди этих прибывших из России генштабистов, полных апломба и самоуверенности. На их кителях уже красовались боевые награды, щедро розданные командующим армии Гриппенбергом»⁶. Недаром под Мукденом побежали именно 2-я и 3-я армии, а 1-я армия отступила в порядке.

Здесь отчетливо появляется такое свойство характера ген. Н.В. Рузского, как стремление стать на сторону более сильного и высокого начальства. Так, своей предыдущей карьерой ген. Н.В. Рузский во многом был обязан наиболее авторитетному русскому военачальнику и педагогу М.И. Драгомирову, который на протяжении многих лет занимал пост командующего войсками Киевского военного округа. Такие личные качества Н.В. Рузского, как великолепный ум, твердый характер и исполнительность, высоко ценились Драгомировым, раз на протяжении 6 лет Рузский служил на посту генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа. Далеко не всеми современниками это выдвижение рассматривалось как верный выбор ген. М.И. Драгомирова, именно в связи со стремлением Н.В. Рузского выдвигаться наверх по пути наименьшего сопротивления, часто с помощью интриг и закулисных игр. Например, ген. А.-К.М. Адарида, знавший Н.В. Рузского еще перед войной, пишет о нем следующим образом: «Трудно понять, как такой знаток людей, каким был Драгомиров, мог его выдвинуть, так как ни особым талантом, ни большими знаниями он не обладал. Сухой, хитрый, себе на уме, мало доброжелательный, с очень большим самомнением, он возражений не терпел, хотя то, что он высказывал, часто никак нельзя было назвать непреложным. К младшим он относился довольно высокомерно, и к ним проявлял большую требовательность, сам же уклонялся от исполнения поручений, почему-либо бывших ему не по душе. В этих случаях он всегда ссылался на состояние своего здоровья»⁷.

После отъезда ген. О.К. Гриппенберга командармом-2 стал командующий 3-й армией ген. А.В. Каульбарс, а командармом-3 – начальник 17-го армейского корпуса ген. А.А. Бильдерлинг. С новым командармом ген. Н.В. Рузский принял участие в злополучной Мукденской оборонительной операции. К этому времени численность войск 2-й армии составляла до 100 тыс. штыков и сабель при 439 орудиях и 24 пулеметах. Как известно, ген. А.Н. Куропаткин готовил новое наступление от Мукдена, причем главный удар опять-таки должна была нанести 2-я Маньчжурская армия. Но противник не стал ожидать русского сосредоточения и с прибытием 3-й армии генерала Ноги 12 февраля сам перешел в наступление.

Замысел японского главнокомандующего маршала И. Ойямы заключался в обходе русского правого крыла, на котором располагалась 2-я русская армия ген. А.В. Каульбарса, силами 3-й армии ген. М. Ноги. Чтобы отвлечь русские резервы и растрепать их, японцы сначала ударили по левому русскому крылу, занимаемому 1-й армией ген. Н.П. Линевица. Затем, стараясь не понижать накал атак, японцы стали перебрасывать войска на свой левый фланг. По дороге они последовательно атаковали располагавшуюся в центре 3-ю русскую армию, после чего уходили на поддержку 3-й японской армии. В итоге Куропаткин, полагая, что противник будет атаковать против русского левого фланга или на крайний случай в центре, стал брать войска из 2-й армии и перебрасывать их на участки других армий. Так, уже через два дня после начала операции из состава 2-й Маньчжурской армии был изъят ее лучший корпус – 1-й Сибирский.

Вместо того, чтобы, согласно своему же первоначальному плану, перейти в наступление 2-й армией, вынуждая японцев растрепывать свои резервы, генерал Куропаткин вновь предпочел ведение пассивной обороны. Оценивая опыт Русско-японской войны, русские генштабисты пишут: «Корни неуспеха перехода в наступление 2-й армии на правом крыле находятся уже в директиве генерала Куропаткина, предоставлявшей барону Каульбарсу выбор направ-

⁶ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 222, 228.

⁷ *Военно-исторический вестник.* 1965. № 25. С. 5–6.

ления атаки – левым или правым флангом вперед. Опять, следовательно, контратака армии должна была начаться не всеми силами, а с одного крыла, уступами, не оправдавшими уже себя в сражении под Сандепу»⁸. Это позволило 3-й японской армии успешно выполнить маневр на охват 2-й русской армии, одновременно атакованной с фронта 2-й японской армией ген. Я. Оку. Надо сказать, что японцы и не имели иного шанса, как маневр, так как они, во-первых, атаковали русские укрепленные позиции, а во-вторых, уступали русским в численности на 60 тыс. бойцов.

Ведя оборонительные бои, под давлением неприятеля части 2-й Маньчжурской армии были вынуждены отойти на левый берег реки Хуньхэ, всецело отдав японцам инициативу действий. Тем не менее в боях 17–22 февраля натиск 2-й и 3-й японских армий был остановлен. Как видим, здесь ген. Н.В. Рузский получил неоценимый опыт ведения оборонительных действий против смелого и предприимчивого противника. Спустя 10 лет генералу Рузскому придется столкнуться с учителями японцев – немцами.

Невзирая на успех обороны, утром 24 февраля 1-я японская армия ген. А. Куроки провала ослабленный непрерывными перебросками и перегруппировками русский центр в районе Киузана. Это позволило противнику развалить надвое русский фронт. Вечером А.Н. Куропаткин приказал отступать, лишь санкционируя начавшийся стихийный отход. В ходе отступления части 2-й и 3-й русских армий перемешались и в панике отступали на север. Высшие штабы этих двух армий потеряли управление отступающими войсками. Отпор организовывался отдельными небольшими отрядами, возглавляемыми офицерами среднего звена. По счастью, японцы не преследовали, что не позволило противнику превратить поражение русских в катастрофу. Мукден – это отличный пример паники сразу нескольких армий: «Это именно отступление, перешедшее в конце в бегство двух целых армий (1-я армия отступала в относительном порядке и не была никем тревожима), стоило значительно дороже, чем продолжавшийся в течение многих дней бои к югу от Мукдена»⁹. Что касается Рузского, то в ходе отступления он упал с коня, получив травму.

Потери русских под Мукденом составили около 90 тыс. чел., в том числе 30 тыс. – пленными. Мукденская оборонительная операция побудила ряд русских военачальников не опасаться, но даже бояться обходов, предпринимаемых умелым врагом. Ген. Н.В. Рузский не стал исключением. Как только в сентябре 1914 г. он будет назначен на пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, то, помня Мукден и Танненберг, станет драться с немцами не иначе, как сплошным оборонительным фронтом. При этом ставка будет делаться на превосходство в численности, а не на контрманевр. База такого подхода в мировоззрении генерала Рузского была заложена в неудачной для русского оружия Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Окончание войны для ген. Н.В. Рузского, как и для всей армии, прошло в мелких стычках с истощенным противником на Сыпингайских позициях. Наградами за Маньчжурскую кампанию генералу Рузскому стали ордена Св. Анны 1-й степени с мечами и Св. Владимира 2-й степени с мечами. А в 1907 г. Рузский был введен в состав комиссии как член Верховного военно-уголовного суда по расследованию дела о сдаче Порт-Артура, что «свидетельствовало о его высоком профессионализме, авторитете в обществе, честности и принципиальности»¹⁰. Следовательно, генерал Рузский стал одним из тех военачальников, каковые, как считалось, успешно прошли школу войны с Японией.

⁸ Сборник ГУГШ. СПб., 1913. Вып. 54. С. 90.

⁹ Симанский П. Паника в войсках. М. – Л., 1929. С. 145.

¹⁰ Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918). Омск, 2013. С. 75–76.

С конца 1906 по начало 1909 гг. ген. Н.В. Рузский командовал 21-м армейским корпусом. В то же время «командование корпусом прерывалось длительными командировками и продолжительными отпусками, общее время которых составило около года (350 суток). Подобное командование вверенными соединениями и частями позволяет сделать естественный вывод, что вряд ли будущий главнокомандующий был озабочен ростом своего профессионального мастерства. Даже при наличии желания, объективно сделать это было проблематично из-за постоянного отрыва от выполнения прямых функциональных обязанностей командира корпуса»¹¹. Затем, в связи с состоянием здоровья, он был назначен членом Военного совета; в том же 1909 г., производится в генералы от инфантерии. В конце 1911 г. ген. Н.В. Рузский награждается орденом Белого Орла.

Работая в Военном совете, ген. Н.В. Рузский принял самое активное участие в разработке различных уставов и наставлений русской военной машины. В частности, именно генерал Рузский был автором последнего «Устава полевой службы», утвержденного 27 апреля 1912 г. Составленный Н.В. Рузским русский «Устав полевой службы», по мнению советских исследователей, «являлся лучшим уставом в Европе накануне Первой мировой войны. В нем наиболее полно и правильно освещались вопросы наступательного и оборонительного боя, а также действия войск в бою»¹². В отношении же стратегического характера устав 1912 г. всецело исходил из установок на краткосрочную войну. В частности, «Устав был далек от правильного понимания масштабов и напряжения надвигавшейся войны... привлечение ратников [ополчения] 2-го разряда исключительно для тыловой службы приводило к тому, что при наличии в России мужского населения призывного возраста свыше 25 млн чел., под ружье могло быть поставлено всего 8 млн»¹³. В 1915 г. решать вопрос о призыве на фронт ополченцев 2-го разряда пришлось законодательным путем – Государственной думе и Государственному совету.

Одним из ближайших помощников Н.В. Рузского в составлении Устава явился заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами полковник М.Д. Бонч-Бруевич – брат одного из ближайших сподвижников В.И. Ленина – В.Д. Бонч-Бруевича. Рузский и Бонч-Бруевич, который в период Первой мировой войны являлся сотрудником Рузского, были знакомы еще до Русско-японской войны по совместной службе в Киевском военном округе и дружили семьями. И тот, и другой являлись креатурами военного министра ген. В.А. Сухомлинова, в свое время бывшего помощником командующего войсками Киевского военного округа ген. М.И. Драгомирова, а затем его преемником. Характеризуя работу Н.В. Рузского над «Уставом полевой службы», один из наиболее видных представителей «научной школы» в среде Генерального штаба ген. Н.Н. Головин утверждает, что В.А. Сухомлинов избрал в авторы Устава именно своего друга Рузского потому, чтобы спасти свои устаревшие взгляды ударной тактики, провалившиеся уже в Русско-японскую войну. Например, из Устава был исключен «встречный бой» как отдельный вид боя. Н.Н. Головин пишет, что «ген. Н.В. Рузский был *persona grata* у ген. Сухомлинова». А ближайшим помощником генерала Рузского был М.Д. Бонч-Бруевич, которого военный министр почитал «за крупный военный талант»¹⁴.

В феврале 1912 г. ген. Н.В. Рузский был назначен помощником командующего войсками Киевского военного округа ген. Н.И. Иванова. Это назначение также таило под собой определенную интригу. В 1911 г. штабы ряда военных округов выступили против нового плана развертывания, принятого военным министром ген. В.А. Сухомлиновым. Этот план относил развертывание русской действующей армии в случае Большой европейской войны с Герма-

¹¹ Порошин А.А. Военно-теоретическая и практическая подготовка военачальников русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2007. Вып. 8, С. 7.

¹² Развитие тактики русской армии (XVIII в. – нач. XX в.). М., 1957. С. 27.

¹³ Кавтарадзе А.Г. Из истории русского Генерального штаба (1909 – июль 1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 1974. № 12. С. 8.

¹⁴ Головин Н.Н. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 22.

нией и Австро-Венгрией в глубь страны, что оставляло в опасности Францию и, следовательно, после ее разгрома напрямую грозило поражением Российской империи. Во главе оппозиции выступил начальник штаба Киевского военного округа ген. М.В. Алексеев. Вынужденный подчиниться давлению высшего генералитета, военный министр и его ставленники в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) скрепя сердце опять вернулись к старому плану – сосредоточении близ государственной границы с целью быстрого перехода в наступление как против Германии, так и против Австро-Венгрии.

Однако же в июле 1912 г. генерал Алексеев был отправлен на командный ценз – на должность командира 13-го армейского корпуса в Варшавский военный округ. Дабы держать контроль над событиями, в Киевский военный округ был направлен протеже генерала Сухомлинова – ген. Н.В. Рузский. Сам Сухомлинов в эмиграции вспоминал: «В Рузском я ценил человека, прекрасно знакомого с военным делом и способного к целесообразной продуктивной работе. Деятельность его на войне ценилась высоко, хотя телесно крепок он не был, и ему временно приходилось, по нездоровью, покидать ряды воюющих»¹⁵. Его пост – помощник командующего округом – не был чрезмерно ответственным, зато ключевым для сохранения влияния здесь военного министра. Начальником же штаба Киевского военного округа был назначен сын того человека, что в свое время продвигал и Сухомлинова и Рузского – ген. В.М. Драгомиров. С началом войны генерал Драгомиров возглавит штаб 3-й армии, командующим которой будет назначен генерал Рузский. Эта армия будет наиболее многочисленной на Юго-Западном фронте, и получит наиболее ответственную задачу.

Ничуть не странно, что люди, хорошо относящиеся друг к другу и связанные друг с другом различными отношениями, будут хорошо отзываться друг о друге. Автором измененного в 1911 г. сухомлиновского плана сосредоточения был генерал-квартирмейстер ГУГШ ген. Ю.Н. Данилов. Данилов был тесно связан с Рузским принадлежностью к «команде» военного министра, а потому отзывался о Рузском с симпатией. С другой стороны, нельзя отрицать, что по большей части такие характеристики, подчеркивающие скорее положительные качества личности, все равно верны, ибо о негативных качествах скажут недоброжелатели и недруги. В частности, Ю.Н. Данилов вспоминал, что Н.В. Рузский «был очень популярен в этом (Киевском. – *Авт.*) округе. Спокойный, рассудительный, прямой, хотя и несколько суховатый, но очень простой в обращении, одаренный достаточно твердым характером – он имел все данные, чтобы быть хорошим, в современном смысле, военачальником. К его мнениям всегда стоило внимательно прислушиваться. К сожалению, слабое здоровье генерала Рузского часто препятствовало полному проявлению его природных дарований, и он бывал вынуждаем, от времени до времени, отказываться от активной деятельности для более или менее продолжительного отдыха»¹⁶.

Возвращение ген. Н.В. Рузского к служебной деятельности в пограничном военном округе позволило поставить его кандидатуру среди высших военачальников русской действующей армии на случай войны в Европе. Так, по перечню должностей 1912 г. генерал Рузский должен был занять пост командующего 8-й армией, которая предназначалась для наступления в Австро-Венгрию. В то же время командармом-3 должен был стать командующий войсками Туркестанского военного округа, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Однако переход в 1913 г. ген. А.А. Брусилова (предназначался на пост командарма-2) из Варшавского военного округа в Киевский, привел к кадровым перестановкам. Теперь генерал Самсонов отправлялся во 2-ю армию, генерал Брусилов – в 8-ю, а генералу Рузскому досталась 3-я армия. В этой конфигурации и была встречена Первая мировая война.

¹⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 137.

¹⁶ Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 193–194.

Незадолго до начала войны, в конце 1913 г., Н.В. Рузский был награжден орденом Св. Александра Невского.

Львовская эпопея

Объявление мобилизации и начало Первой мировой войны застает генерала от инфантерии Н.В. Рузского на одном из высоких постов в Киевском военном округе. Согласно расписанию чинов действующей армии, генерал Рузский был назначен на пост командующего 3-й армией Юго-Западного фронта. Управление фронта формировалось на базе Киевского военного округа, но пост начальника штаба фронта занимал ген. М.В. Алексеев. Впрочем, должность командарма в русской военной иерархии стояла выше начальника штаба фронта – в ходе Галицийской битвы эта формальность будет слишком дорого стоить русским.

В связи с тем, что 3-й армии предстояло наносить главный удар по австро-венграм на Юго-Западном фронте, начальник штаба Киевского военного округа ген. В.М. Драгомиров становится начальником штаба 3-й армии, раз уж его нельзя было сделать начальником штаба фронта. Этот пост был давно закреплен за генералом Алексеевым, в том числе и после перевода его на должность начальника 13-го армейского корпуса: лишить Алексева своего назначения не было под силу и военному министру ген. В.А. Сухомлинову. Назначение начальника штаба 3-й армии позволило впоследствии Драгомирову вступать в конфликт со штабом фронта, где распоряжался Алексеев. Если знать, что М.В. Алексева и Н.В. Рузского связывал личный конфликт, берущий свое начало еще со времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., то очевидно, что командарм-3 и его начальник штаба в своей неприязни к генералу Алексеву были заодно.

В свою очередь, ген. Н.В. Рузский также старался нивелировать влияние своего честолюбивого начальника штаба, позволявшего себе фрондировать даже и в отношении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова, не говоря уже о более скромном poste командарма-3. Драгомиров явно использовал то обстоятельство, что его отец в свое время выдвигал Н.В. Рузского и В.А. Сухомлинова. Отсюда брала свое начало неблагоприятная обстановка в штабе 3-й армии. Для того, чтобы противопоставить власть командарма начальнику штаба, Н.В. Рузский взял к себе на пост генерал-квартирмейстера 3-й армии М.Д. Бонч-Бруевича, вступившего в войну командиром 176-го пехотного Переволоченского полка. Назначение Бонч-Бруевича произошло в ходе сосредоточения, когда Драгомиров уже не мог повлиять на выбор Рузского. Впоследствии, после того, как в сентябре на пост командарма-3 вступил комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев, Драгомирова были вынуждены перевести на должность начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии, а затем он сам стал комкором-8. В марте 1915 г. ген. В.М. Драгомиров занял пост начальника штаба Юго-Западного фронта, после того, как ген. М.В. Алексеев был назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. В ходе Горлицкого прорыва генерал Драгомиров был смещен и впоследствии не занимал должностей выше командира корпуса.

Следовательно, с самого начала в штабе 3-й армии друг с другом столкнулись две воли – командарма и его начальника штаба. Это не могло не вести к определенным провалам в действиях армии, особенно если помнить об отношении к М.В. Алексеву. О взаимоотношениях внутри штаба 3-й армии Н.Н. Головин сообщает, что «исповедуемые ген. В.М. Драгомировым взгляды позволяют предположить, что во главе “оппозиции” главнокомандованию Юго-Западного фронта стоял он, а не командующий 3-й армией ген. Рузский». Служивший в штабе 3-й армии офицер Генерального штаба Щепихин сообщил Головину: «Ни для кого в молодом генеральном штабе не было секретом, что генерал Рузский, человек болезненный, слабохарактерный, не властный, а главное, за предвоенный период далеко отошедший от вопросов оперативных в широком смысле, и все видели в лице В.М. Драгомирова действительного руководителя оперативной части армии... На генерала Рузского он смотрел свысока, игнорировал

его»¹⁷. Недаром, когда Н.В. Рузский в начале сентября 1914 г. переводился на Северо-Западный фронт, он взял с собой только М.Д. Бонч-Бруевича. Да и этого Рузский взял в 3-ю армию лишь для того, чтобы иметь рядом верного человека и тем самым снижать влияние ген. В.М. Драгомирава.

Отменная подготовка войск перед войной была фактом. Существенно меньшее значение отводилось психологическому состоянию бойцов. Следует заметить, что ген. Н.В. Рузский придавал немалое значение моральному фактору в общей боеспособности войск. Потому перед выступлением частей на фронт командарм объехал ряд полков, где пытался вдохновить людей, идущих на войну. В частности, в своей речи перед 125-м пехотным полком накануне отправки полка на фронт, по словам очевидца, ген. Н.В. Рузский «просил нас верить нашему Верховному Командованию, объяснил, что Генеральный штаб внимательно изучает план грядущей войны, что давно уже знали, что война настанет и что мы должны всеми силами беречь жизнь каждого солдата, что в войне ошибки неизбежны, и просил нас не судить слишком строго за эти неизбежные ошибки и потери. Он прибавил, что вместо того, чтобы судить и искать ошибок, нам следует думать о своих непосредственных обязанностях и строже всего судить самих себя. Если каждый из нас выполнит свой долг полностью – успех будет обеспечен»¹⁸. Из этой характеристики видно, что генерал Рузский большое внимание уделял фактору исполнения своего долга как перед Родиной, так и перед вверенными каждому командиру людьми.

Согласно русскому плану войны против коалиции Центральных держав, основной удар русских армий должен был наноситься против Австро-Венгрии. В четырех армиях Юго-Западного фронта главнокомандующего армиями фронта (главкоюза) ген. Н.И. Иванова сосредоточивалось до 60 % всей силы, выставляемой на фронты русской действующей армии. В численном отношении это означало выставление в поле более 600 тыс. штыков и сабель при 2 тыс. орудий. Зная о том, что немцы, действуя по «Плану Шлиффена», будут главный удар наносить против Франции, русская сторона рассчитывала одновременно и оттянуть на себя часть германских сил, ослабив наступление противника во Францию. Но главной задачей русских стоял разгром австро-венгерской армии в ходе предполагаемого генерального сражения в Галиции.

Главный удар на Юго-Западном фронте должна была наносить 3-я армия ген. Н.В. Рузского, которая поэтому являлась наиболее сильной – 215 тыс. чел. при 685 орудиях. Вместе с 8-й армией ген. А.А. Брусилова (139 тыс. чел. при 472 орудиях) 3-я армия составляла южное крыло фронта и должна была наступать строго с востока в австрийскую Галицию, на галич-львовском стратегическом направлении. Рассчитывая на то, что противник сосредоточит свою главную группировку в районе Львова и севернее его, русские предполагали осуществить двойной охват неприятельской армии: 5-я и 3-я армии должны были бить врага по фронту, в то время как 4-я и 8-я армии охватывали бы его с флангов. Расчеты на данные об австрийском сосредоточении, переданные в 1912 г. полковником А. Редлем, позволяли рассчитывать на успех.

В связи с тем, что 4-я и 5-я армии, составлявшие северный фас Юго-Западного фронта, запаздывали в своем сосредоточении, 3-я и 8-я армии должны были перейти в наступление несколькими днями ранее. Согласно директиве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова от 2-го числа, 6 августа начинала наступать 8-я армия ген. А.А. Брусилова, сосредоточиваемая дальше всех от границы, 7 августа – 3-я армия ген. Н.В. Рузского. Затем в наступление должны были перейти армии северного фаса фронта: 9-го числа – 4-я армия ген. барона А.Е. Зальца и на следующий день – 5-я армия ген. П.А. Плеве. 3-я и 8-я армии должны были наступать на Львов, тем самым опрокидывая главную австрийскую груп-

¹⁷ Головин Н.Н. Галицийская битва. Первый период. Париж, 1930. С. 329.

¹⁸ Борис Васильевич Сергиевский. 1888–1971. Нью-Йорк, 1975. С. 16.

пировку и одновременно заходя корпусами 8-й армии с юга. При этом 3-я армия двигалась на фронт Куликов – Миколаев, а 8-я армия – на фронт Ходоров – Галич.

В свою очередь, начальник австрийского Полевого Генерального штаба ген. Ф. Конрад фон Гётцендорф, являвшийся фактическим главнокомандующим при номинальном главком-верхе эрцгерцоге Фридрихе, незадолго до начала войны переменял планы сосредоточения. Теперь австрийцы располагали главные силы против 4-й и 5-й русских армий, рассчитывая в короткие сроки разбить русских и открыть себе дорогу в русскую Польшу. Против 3-й и 8-й русских армий располагалась 3-я австрийская армия ген. Р. фон Брудермана силой в 160 тыс. штыков и сабель при 482 орудиях. Генерала Брудермана поддерживала армейская группа ген. Г. Кёвесс фон Кёвессгаза силой в 70 тыс. чел. при 148 орудиях. В ходе Галицийской битвы в район Львова с Балканского (Сербского) фронта по частям перебрасывалась 2-я австрийская армия ген. Э. фон Бём-Эрмолли. Вплоть до прибытия 2-й армии, как видно, одна 3-я армия по силам была равна всей противостоящей австрийской группировке. И, следовательно, русские имели 8-ю армию, что называется, в «чистом активе».

В состав 3-й армии ген. Н.В. Рузского входили 9-й, 10-й, 11-й, 21-й армейские корпуса, а также 9-я, 10-я, 11-я кавалерийские дивизии и 3-я Кавказская казачья дивизия. В ходе наступления 3-я армия должна была получить существенное усиление: 3-й Кавказский корпус ген. В.А. Ирманова, а также 4-я и 5-я Донские казачьи дивизии. Однако эти части затем были отправлены под Люблин, в 4-ю армию ген. А.Е. Эверта, дравшуюся с вдвое превосходящим противником. Надо сказать, что из всех командармов один только ген. Н.В. Рузский догадался увеличить пехотную массу вверенных ему соединений. В каждый из армейских корпусов, которые состояли из двух пехотных дивизий, командарм-3 уже в ходе развертывания влил еще по второочередной пехотной дивизии, в то время как в остальных армиях второочередные дивизии, образуемые при мобилизации, в отличие от кадровых дивизий, находились в резервах. Второочередные дивизии имели минимум пулеметов и получили слабую артиллерию. Поэтому, отправка этих частей в состав армейских корпусов позволила, во-первых, усилить мощь пехотного удара, а во-вторых, увеличить силу второочередных дивизий огнем артиллерии корпуса. Австро-венгры сразу придали запасные бригады (аналогичные русским второочередным дивизиям соединения) почти всем корпусам. У русских это сделал только командарм-3, что даст ему успех в первом же сражении с 3-й австрийской армией. Если бы ген. Н.В. Рузский, подобно прочим командармам, придержал бы второочередные дивизии в ближайшем войсковом тылу, то в момент столкновения с неприятелем он имел бы на 60 тыс. штыков меньше. Иными словами, в этом случае 3-я русская армия по пехоте (но не по артиллерии) сравнялась бы с 3-й австрийской армией. Это мероприятие делает честь уму генерала Рузского, своевременно насытившего вверенные ему войска дополнительным количеством людей, чтобы получить решительное превосходство в момент сражения.

Не зная об образовании 8-й русской армии и предполагая иметь вместо нее лишь один усиленный корпус, австрийский командарм-3 принял решение наступать. Генерал Брудерман рассудил, что генерал Кёвесс справится с русской корпусной Проскуровской группой (на базе которой была развернута 8-я русская армия), в то время как он сам разгромит 3-ю русскую армию. Как только части 3-й армии перешли линию государственной границы, командарм-3 получил директиву начальника штаба Юго-Западного фронта, предписывавшую ему переменить направление движения армии и наступать севернее района Львова, выходя в тыл 4-й австрийской армии ген. М. фон Ауффенберга.

Дело в том, что это время уже потерпели поражение русские армии северного крыла – 4-я и 5-я. Поняв, что сосредоточение врага далеко от довоенных предположений, и верно оценив обстановку, начальник штаба фронта ген. М.В. Алексеев принял решение немедленно бросить армии южного крыла на помощь северному крылу. Отсюда и новый приказ штаба фронта об изменении плана. Однако, воспользовавшись тем, что колебавшийся главком ген.

Н.И. Иванов не решился отдать прямого приказа, ген. Н.В. Рузский решил пренебречь директивой Алексева и продолжать наступление на Львов. Прежде прочих на этом решении настаивал генерал-квартирмейстер 3-й армии ген. М.Д. Бонч-Бруевич. Надо сказать, что ген. Н.В. Рузский зависел от мнения ген. М.Д. Бонч-Бруевича вследствие своей болезненности: «Сам генерал Рузский, вообще человек со светлой головой, стратегическим чутьем и большим психологическим пониманием, страдал болезнью печени в тяжелой форме, что заставляло его прибегать к морфию и ставило в зависимость от сотрудников»¹⁹.

Выбор главным объектом действий для 3-й армии Львова отвечал идеям плана войны и первым директивам главкоюза от 2 августа. Однако по мере выяснения обстановки ситуация менялась, и Н.В. Рузский отказался от выполнения приказов М.В. Алексева. Командарм-3 считал, что подчиняется только генералу Иванову, а его начальник штаба не может отдавать приказов командармам. Также 3-я армия наступала сомкнутой массой в лоб, в то время как в современной войне надо охватывать фланг, и менять своих планов командарм-3 не собирался: привычка действовать фронтально, в лоб, оставалась «визитной карточкой» ген. Н.В. Рузского в ходе всей войны. Для 3-й армии свободным флангом был северный, к стыку с 5-й армией, но именно сюда, куда приказывал наступать М.В. Алексеев, 3-я армия и не пошла.

Между тем восточнее Львова выдвинулись и австрийцы. 13 августа противники столкнулись в сражении на реке Золотая Липа. В ходе встречного сражения 13–14 августа австрийцы были сломлены и отброшены на запад. Только пленными противник потерял более 10 тыс. чел., также оставив русским в качестве трофеев более 50 орудий. Жажда реванша и надеясь вырвать победу, Брудерман приказал группе Кёвесса спешить ему на помощь. Кроме того, к Львову уже подходили передовые дивизии 2-й армии ген. Э. фон Бём-Эрмолли, перебрасываемые из Сербии. Однако вслед за группой Кёвесса бросилась русская 8-я армия ген. А.А. Брусилова, которая практически полностью уничтожила противника в сражении 15 августа у Подгайцев. В итоге к моменту сражения на реке Гнилая Липа не австрийский, а русский командарм-3 получил подкрепления в виде 8-й армии.

В сражении на Гнилой Липе 17–18 августа 3-я австрийская армия была во второй раз разгромлена и отброшена к Львову. В этот момент для Рузского и наступил «момент истины». В боях восточнее Львова русскими трофеями, даже по австрийским данным, стали 114 орудий. Тем не менее упорство противника позволило Рузскому не выполнять ни директив штаба фронта, ни даже распоряжений Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича – дяди императора. Опираясь на то, что противника необходимо добить, войска 3-й армии двинулись прямо на Львов, хотя в это время соединения 5-й армии ген. П.А. Плеве изнемогали в боях на Холмском направлении с превосходными силами противника.

Начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев предполагал, закрывшись от 2-й и 3-й австрийских армий 8-й русской армией Брусилова, направить 3-ю армию Рузского в тыл 4-й австрийской армии, после чего окружить и уничтожить 4-ю и 1-ю австрийские армии. Начиная с 11 августа, алексеевская директива повторялась четыре раза. Однако же, во многом действуя под влиянием В.А. Драгомирова и М.Д. Бонч-Бруевича, генерал Рузский отдал приказ о движении на Львов. Участник войны Б.Н. Сергеевский вспоминал: «Вместе со многими офицерами Генерального штаба, я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел “на поводу” у своего начальника штаба, пресловутого ген. Бонч-Бруевича»²⁰. Неповиновение командарма-3 позволит противнику не только избежать громадного «котла», но даже и чуть ли не вырвать победу в Галицийской битве. Русская Ставка сможет выправить ситуацию лишь отправкой под Люблин 9-й армии ген. П.А. Лечицкого.

¹⁹ Доманевский В.Н. Мировая война. Кампания 1914 года. Париж, 1929. С. 60.

²⁰ Цит. по: Граф Келлер. М., 2007. С. 338.

Проблема соподчинения внутри высшего российского генералитета заключалась в том, что Н.В. Рузский пользовался особым покровительством военного министра Сухомлинова, являясь его личным другом. Помимо того, генералу Рузскому симпатизировал и начальник штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) ген. Н.Н. Янушкевич, ставший ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего, несмотря на свои приятельские отношения с ген. В.А. Сухомлиновым, который был с великим князем Николаем Николаевичем личными врагами. Н.Н. Головин пишет, что генерал Янушкевич, «обязанный головокругительной карьерой мирного времени последнему, принимал все зависящие от него меры, чтобы охранить перед Великим Князем личные интересы генерала Рузского». Вдобавок генерал Алексеев по службе был младше генерала Рузского. Командующий Киевским военным округом (теперь – Юго-Западным фронтом) ген. Н.И. Иванов симпатизировал генералу Драгомирову, который также поддерживал генерала Рузского в наступлении на Львов. Поэтому-то Иванов и не согласился со стратегическими решениями М.В. Алексева по уничтожению главных сил противника, и командарм-3 ген. Н.В. Рузский получил карт-бланш на продолжение операции против уже никому не нужного Львова.

Во-первых, ген. Н.В. Рузский прекрасно знал, что взятие столицы австрийской Галиции чрезвычайно выгодно по политическим соображениям, что позволит по своим плюсам в глазах Верховного главнокомандования превзойти минусы, заключавшиеся в том, что противник сумеет избежать окружения. Также Ставка в принципе рассматривала успех по географическим пунктам, и потому триумф победителя Львова должен был превзойти успех уничтожения 300 тыс. австрийцев. Кроме того, окруженная австрийская группировка уничтожалась бы соединенными усилиями всех армий фронта, в то время как львовским триумфатором мог быть только один. На Северо-Западном фронте подобная ситуация привела к чрезмерному вниманию в отношении крепости Кенигсберг со стороны командарма-1 ген. П.К. Ренненкампа, что позволило стремительно действовавшим немцам разгромить 2-ю русскую армию ген. А.В. Самсонова под Танненбергом.

Во-вторых, командованием 3-й армии Львов представлялся сильно укрепленной крепостью, хотя еще до войны было известно, что здесь остались только старые заброшенные форты. Вооружение Львова состояло лишь из 28 пушек. Австрийское командование, и без того уступавшее русским в артиллерийском отношении, полагало, что «в случае необходимости вооружение крепости должно было быть усилено полевой армией»²¹. Тем не менее штаб 3-й армии докладывал, что для штурма Львова будут необходимы все наличные силы. В то же время 8-я армия, не имея перед собой надлежащего сопротивления, выходила к Львову с юго-востока. Таким образом, командарм-3, преследуя собственные честолюбивые цели, сорвал планы Алексева, нацеленные на разгром австро-венгерской армии. В итоге вывести из войны Австро-Венгрию так и не удалось, хотя противник получил сильный удар по своей обороноспособности.

20 августа 3-я армия вышла к Львову, который уже покидался противником, ибо Конрад фон Гётцендорф отнюдь не собирался напрасно терять в Львове, который вполне мог стать «мышеловкой», своих людей. Штурм намечался на 22-е число, однако русские авангарды ворвались в город, после чего туда втянулась и вся 3-я армия. В тылу пресса представила взятие Львова без боя как итог многодневной кровопролитной операции, имевшей заключением кровавый штурм Львова. Например, в дневниковой записи от 23 августа 1914 г. одна аристократка записывала: «Эта победа имеет громадное значение. Упорный, кровопролитный бой, продолжавшийся семь суток, мог кончиться только разгромом одной из армий и блестящей

²¹ Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 1. Вып. 1. С. 166.

победой другой. Мы победили. Мы завоевали сердце Галиции, и с ним свободу галицийских славян»²².

Генерал Рузский добился поставленной цели: за Львов, который, повторимся, был оставлен противником без боя, он был удостоен беспрецедентной награды – одновременного награждения орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Н.В. Рузский стал первым среди генералов георгиевским кавалером в Первую мировую войну. То есть командарм, не выполнивший приказов свыше и потому позволивший противнику избежать катастрофы, был награжден высочайшими орденами Российской империи, а вскоре будет повышен в должности. Причина такой ненормальности проста. Дело в том, что русское военно-политическое руководство всеми силами пыталось затушевать неблагоприятные последствия разгрома 2-й армии Северо-Западного фронта под Танненбергом 17 августа. Для этого требовалась любая маломальски могущая быть выставленной в качестве выдающейся победа. И вот – падение Львова. Потому-то Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и пошел на столь непривычное награждение. Радостная истерия прокатилась как по фронту, так и по тылу. 21 августа император Николай II записывает в своем дневнике: «Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу!.. Невероятно счастлив этой победе, и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»²³ Зато имя генерала Рузского отныне стало известно всей России.

Иными словами, рядовая, по сути, победа под Львовом была сознательно раздута Ставкой в собственных интересах, что одновременно соответствовало и оперативному воззрению штаба Верховного главнокомандующего, и его самого лично: «Стратегический примитив, великий князь Николай Николаевич расценивал явления войны по-обывательски. Победу он видел в продвижении вперед и в занятии географических пунктов: чем крупнее был занятый город, тем, очевидно, крупнее была победа. Эта “обывательская” точка зрения великого князя особенно ярко сказалась в его ликующей телеграмме Государю по поводу взятия Львова, где он ходатайствовал о награждении генерала Рузского сразу двумя Георгиями. А между тем вся львовская авантюра генерала Рузского была стратегическим преступлением, за которое виновника надлежало предать суду и, во всяком случае, отрешить от должности. Вся тлетворная карьера генерала Рузского была создана этой обывательской расценкой Верховного»²⁴. Львовская эпопея ген. Н.В. Рузского приводит к одному весьма важному вопросу. А именно: могла ли страна, где военачальники награждались не за разгром живой силы противника, а за бескровное взятие известных географических пунктов, добиться победы в Первой мировой войне? Как это не похоже, к примеру, на графа А. фон Шлиффена, готового пожертвовать и Сааром, и Восточной Пруссией, и Познанью, лишь бы в шесть недель уничтожить Францию в гигантском генеральном сражении на окружение – «Больших Каннах».

Своим движением на Львов командарм-3 ген. Н.В. Рузский разорвал внутреннее единство Галицийской битвы, фактически превратив единую фронтовую операцию армий Юго-Западного фронта в две отдельные армейские операции. Поэтому, пока русские полководцы добивались дешевых лавров, противник не терял времени. Оценив обстановку после поражения 3-й армии в сражении на Гнилой Липе, Конрад, сосредоточивая 2-ю армию западнее Львова, одновременно развернул сюда 4-ю армию. Если русские стремились к политической славе, то австрийцы попытались вырвать победу в собственно военном отношении. В итоге в районе города Рава-Русская, занятого только теперь выдвигавшимися на север, на помощь 5-й армии, войсками 3-й армии, началось встречное сражение с превосходящими силами 4-й австрийской армии ген. М. фон Ауффенберга.

²² Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник 1914–1918. Париж, 1986. С. 24.

²³ Дневник Николая II (1913–1918). М., 2007. С. 165.

²⁴ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 276.

В это время 8-я русская армия ген. А.А. Брусилова вела тяжелые оборонительные бои против 3-й и 2-й австрийских армий, надвигавшихся строго с запада, с городокских позиций, переходивших из рук в руки. Части 5-й русской армии ген. П.А. Плеве, согласно планам штаба Юго-Западного фронта, готовилась перейти в контрнаступление, совместно с 4-й армией ген. А.Е. Эверта и 9-й армией ген. П.А. Лечицкого. Соединения 3-й армии, вовремя не ударившие в тыл 4-й австрийской армии, теперь были вынуждены обороняться против ее атак. Алексеев приказал 3-й армии помочь войскам 8-й армии, чтобы избежать поражения, так как у атаковавшего 3-ю армию неприятеля не было существенного превосходства в силах и средствах. Несмотря на это, командарм-3 в ответ потребовал немедленного наступления 5-й армии, чтобы та отвлекла на себя часть сил противника. О боях под Равой-Русской на заключительном этапе Галицийской битвы советский исследователь пишет: «Тонкий интриган, Рузский доносит, что он может помочь 8-й армии лишь после занятия Равы-Русской, для чего требуется содействие левофланговых корпусов 5-й армии. Выходит, что весь успех операции зависит от боевой работы 8-й армии, где неблагополучно, а у него, Рузского, все хорошо, стоит только взять Рава-Русскую – и все будет в порядке, но вот 5-я армия медлит. Войска сильно утомлены, пишет Рузский [29 августа в штаб фронта], большая убыль, особенно в офицерах, армия в состоянии держаться, но для активных действий требуется помощь 5-й армии. Таким образом, все дело в том, что и 5-я армия, и 8-я, не обеспечивают успешно развивающихся действий его (Рузского) армии»²⁵.

Иными словами, в свое время командарм-3 отказал в помощи терпящей поражение 5-й армии, лишь бы добиться собственного триумфа, а теперь требовал ее содействия, чтобы оказать помощь войскам генерала Брусилова. Это говорит о том, что характеристика, данная генералу Рузскому А.А. Брусиловым, совершенно справедлива: «Человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято предписывались»²⁶.

В войсках же командарм-3 воспринимался в качестве отличного командира. И неудивительно, так как 3-я армия шла от победы к победе, от наград к наградам. А тот факт, что страдали соседние армии – 5-я и 8-я, офицерами и солдатами 3-й армии в расчет не особенно принимался. Например, Б.В. Сергиевский восторженно вспоминал, что 33-я пехотная дивизия (21-й армейский корпус) без отдыха была брошена на Рава-Русскую, что позволило отрезать австрийцев, и войска 3-й армии взяли только пленными 27 тыс. чел. О том, что такое положение вещей было обеспечено упорным сопротивлением 8-й армии против превосходящих сил неприятеля и наступлением корпусов 5-й армии на Томашов, конечно, в рядах армии не подозревали. Получалось, что «генерал Рузский был подлинным героем, которого офицеры и солдаты боготворили; все безусловно доверяли его знаниям и его военному гению»²⁷.

В результате наступления 9-й, 4-й и 5-й армий австрийские войска стали отступать. Чтобы не оставить в окружении половину армии, Конрад фон Гётцендорф, не сумев вырвать победу разгромом 3-й и 8-й русских армий, приказал отступать в ночь на 31 августа. Всего в ходе Галицийской битвы австро-венгры потеряли до 400 тыс. чел.; русские – 230 тыс. В течение 1–8 сентября, ведя преследование откатывающегося к Карпатам неприятеля, русские армии выходили к реке Сан.

Однако в рядах 3-й армии уже не было генерала Рузского. Разрекламированный на всю страну полководец получил повышение в должности – пост главнокомандующего армиями

²⁵ Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 261.

²⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 67.

²⁷ Борис Васильевич Сергиевский. 1888–1971. Нью-Йорк, 1975. С. 27.

Северо-Западного фронта (главкосевзапа). Командармом-3 стал комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев.

Варшава – Лодзь – Августов

3 сентября 1914 г. ген. Н.В. Рузский становится главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, сменив в этой должности ген. Я.Г. Жилинского, умудрившегося проиграть немцам Восточно-Прусскую операцию, имея полуторное превосходство в силах и задел в виде побед 1-й армии под Гумбинненом и 2-й армии при Орлау – Франкенау. Письмо офицера из штаба фронта сообщает: «С вступлением Рузского в командование армиями прусского фронта, наши действия там сразу приняли более идейный характер (стратегическая сторона). Жилинский этого не сумел сделать: его единственное стремление было то, чтобы армии не вырвались из его управления, поэтому он иногда душил частную инициативу и забывал все остальные»²⁸.

Н.В. Рузский стал первым русским командармом, получившим повышение до главкома фронта. Причины назначения именно генерала Рузского на Северо-Западный фронт заключались в нескольких факторах:

1. Принципиальная необходимость смены главкосевзапа ген. Я.Г. Жилинского, выказавшего ужасающую бездарность в период наступления в Восточную Пруссию, а затем еще и преступную растерянность, наряду с массой тяжелых ошибок в управлении войсками, во время оборонительных действий 1-й русской армии.

2. Новым главкосевзапом, естественно, мог стать лишь тот командарм, что наиболее отличился в сражениях августа месяца (причем – именно в наступательных действиях); из всех командармов к моменту принятия решения смены главкосевзапа последовательно от успеха к успеху шли только 3-я и 8-я армии.

3. Наряду с беспрецедентным награждением преимущества командарма-3 ген. Н.В. Рузского перед командармом-8 ген. А.А. Брусиловым являлись характерными для русской армии той поры: Академия Генерального штаба и старшинство в чине.

4. Поддержка кандидатуры ген. Н.В. Рузского со стороны начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ставки ген. Ю.Н. Данилова, с чем был вынужден согласиться протезировавший генералу Брусилову великий князь Николай Николаевич.

5. Необходимость широкой рекламы в тылу и в действующей армии овладения Львовом, дабы затушевать неблагоприятное впечатление от поражения Северо-Западного фронта; соответственно, назначение генерала Рузского должно было показать, что ситуация будет исправлена в короткие сроки.

В начале сентября Северо-Западный фронт включал в себя три армии: 1-ю армию П.К. Ренненкампа, в которую шли резервы; оправлявшуюся после Танненберга 2-ю армию С.М. Шейдемана; и создаваемую из корпусов второго стратегического эшелона 10-ю армию В.Е. Флуга. В итоге к десятым числам сентября русские могли полагать свое положение на Северо-Западном фронте достаточно стабильным: против сильной 8-й германской армии (8 полевых армейских корпусов, 2 кавалерийские дивизии и несколько отдельных дивизий ландвера и крепостных гарнизонов) стояли сразу три русские армии (16 армейских корпусов (частично – обескровленных) плюс многочисленная конница). Общая численность войск Северо-Западного фронта – около 435 тыс. штыков и сабель. Кроме того, из глубины страны в Польшу шли 1-й и 2-й Сибирские корпуса, и еще 2-й Кавказский корпус.

Назначение ген. Н.В. Рузского на должность главкосевзапа произвело благоприятное впечатление как на войска, так и на штаб фронта. До войны Н.В. Рузский пользовался определенной известностью в военных кругах как умный и строгий военачальник. К тому же слава «победителя Львова» вынуждала воспринимать генерала Рузского в качестве лучшей альтер-

²⁸ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 162.

нативы тому бардаку, что творился при ген. Я.Г. Жилинском. Один из офицеров штаба Северо-Западного фронта Ю. Плющевский-Плющик в своем фронтовом дневнике так писал о назначении ген. Н.В. Рузского на должность главковсевзапа: «К этому назначению все отнеслись с полным доверием, а приветливый и спокойный вид генерала Рузского еще более усилил это впечатление. Новый главнокомандующий, первое, что сделал, обошел все помещения, поговорил с каждым и вообще дал понять, что он человек доступный, с которым можно работать, не только исполняя приказания, но и высказывая свое мнение. Дай Бог ему успеха, но тяжелое наследство он принял»²⁹.

Нельзя не отметить, что назначение ген. Н.В. Рузского было если и не самым верным, то все-таки наиболее логичным. Войска 3-й армии одержали несколько побед на Юго-Западном фронте – на Двух Липах, овладели Львовом, успешно оборонялись под Равой-Русской. Кто же еще мог претендовать на повышение? Вдобавок именно из 3-й и 8-й армий августа 1914 года выйдет больше всего командармов, начавших войну комкорами. В 8-й армии это комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев, сменивший самого Рузского в сентябре; комкор-12 ген. Л.В. Леш и комкор-24 ген. А.А. Цуриков. В 3-й армии это комкор-10 ген. Ф.В. Сиверс, комкор-9 ген. Д.Г. Щербачев и комкор-11 ген. В.В. Сахаров. Один из них – генерал Сахаров – еще при царской власти также станет командующим фронтом – Румынским. А после революции этот пост займет Д.Г. Щербачев.

Однако теперь ген. Н.В. Рузский должен был действовать против немцев, а не австрийцев. Разница же между этими врагами прекрасно сознавалась еще до войны, а в ее ходе только лишь усугублялась. Кроме того, Рузскому противостоял лучший германский полководец Первой мировой войны (если не вообще лучший полководец из всех воюющих сторон) – начальник штаба германского Главного командования на Востоке ген. Э. Людендорф. Неудивительно, что о действиях генерала Рузского на Северо-Западном фронте разные люди в своих письмах говорили по-разному: «Очень жаль бедного генерала Жилинского, незаслуженно смещенного и стоически перенесшего этот удар... Новый главнокомандующий Рузский – человек очень спокойный, простой и справедливый произвел самое лучшее впечатление»³⁰. Или: «Рузский, увы, оказался превознесенным далеко не по заслугам, а его первые военные действия в Галиции – громадная удача и только. Здесь он себя ничем не рекомендует, и его далеко не хвалят свыше... Герои выше всякой похвалы – Брусилов и Радко-Дмитриев»³¹. Воевать против немцев оказалось далеко не одно и то же, что против австрийцев, и в 1915 г. победители австрийского фронта испытают это на себе.

В этот момент немцы потерпели поражение в Битве на Марне во Франции, 10 сентября начав отступление. Следовательно, германцы в лице главнокомандующего на Востоке ген. П. фон Гинденбурга и его начальника штаба ген. Э. Людендорфа могли рассчитывать только на свои силы, что уже находились в их распоряжении. В сложившейся ситуации – поражение армий Центральных держав во Франции и в Галиции – даже не лучшей, а единственно возможной обороной могло быть исключительно нападение. Перегруппировав львиную долю сил и средств в 9-ю германскую армию, Гинденбург и Людендорф, получив в подкрепление две австро-венгерские армии, 15 сентября перешли в наступление на Средней Висле.

План австро-германцев был прост и красив. Имея против себя превосходные в силах русские фронты на флангах – на подступах к Восточной Пруссии и перед Карпатами, Людендорф, намереваясь перехватить инициативу действий, бьет в самое слабое место русского фронта – в почти неприкрытую линию Средней Вислы. Овладев двумя переправами через эту линию – крепостью Ивангород и Варшавой, немцы могли бы запереть русских на линии государствен-

²⁹ Военно-исторический вестник. 1964. № 23. С. 7.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 340. Л. 156.

³¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 278.

ной границы, не позволив им развить наступление на флангах. Кроме того, взятие Варшавы, как полагали немцы, имело бы громадный политический резонанс.

В свою очередь, русская Ставка намеревалась предпринять наступление сразу на Берлин: прямолинейный удар по кратчайшему направлению с целью быстрого окончания войны. Для этого 2-я армия Северо-Западного фронта должна была подтягиваться к Варшаве, а 4-я и 5-я армии Юго-Западного фронта – к Ивангороду. Общее руководство этими армиями вручалось штабу Юго-Западного фронта, в связи с неопытностью реорганизованного штаба Северо-Западного фронта и необходимостью восстановить мощь соединений 1-й и 2-й армий, потерпевших поражение в Восточно-Прусской наступательной операции. Созданная ударная группировка наступала бы в Познань, в то время как 1-я и 10-я армии блокировали немцев в Восточной Пруссии, а 9-я, 3-я и 8-я армии – в Карпатах. Людендорф предупредил русских, воспользовавшись преимуществом в сосредоточении и организации железнодорожного маневра. Поэтому, не успев подтянуть войска к намеченным пунктам, русские должны были обороняться, так как противник на первом этапе Варшавско-Ивангородской операции имел преимущество на главном направлении.

В середине сентября армии Северо-Западного фронта перешли к стратегической обороне по рубежам рек Неман, Бобр и Нарев, опасаясь нового удара германцев, столь блестяще проявивших себя в ходе Восточно-Прусской наступательной операции, закончившейся поражением русской стороны. В этот момент между армиями двух русских фронтов образовался гигантский промежуток, достигавший чуть ли не 350 верст – целиком левый берег Вислы (русская Польша) от крепости Новогеоргиевск и Варшавы до реки Дунаец. С русской стороны на Висле находились лишь небольшие гарнизоны в Варшаве и крепости Ивангород, да кавалерийский корпус ген. А.В. Новикова.

Приказ Ставки указывал новому главкомсевзапу отправить 2-ю армию к Варшаве. Однако, не заметив начавшейся перегруппировки германцев, ген. Н.В. Рузский продолжил медленное отступление тремя армиями (1-я, 2-я, 10-я) перед 2,5 корпусами германцев, которые были оставлены здесь Гинденбургом в 8-й армии ген. Р. фон Шуберта. Прочие германские войска, составив 9-ю армию, 15 сентября бросились на крепость Ивангород. Итак, преувеличенное мнение о качестве германской военной машины, закономерное на определенном этапе после Танненберга перерастающее в своеобразную «германобоязнь», сразу же охватило генерала Рузского и его сотрудников. Теперь главкомсевзап всемерно перестраховывался, не желая портить свою львовскую репутацию выдающегося полководца. Оттого и требовался как минимум двойной перевес в силах, чтобы свести риск до незначительной величины. Впрочем, в кампании 1914 г. ген. Н.В. Рузский вообще предпочтет не рисковать, лишь бы не потерпеть поражения, сравнимого с разгромом 2-й армии под Танненбергом.

Отход армий Северо-Западного фронта только увеличивал расстояние между сосредотачивающейся для наступления группировкой и северным крылом. Своим отступлением генерал Рузский еще больше оголял варшавское направление, оттягивая свои войска к северо-востоку. Более того – главкомсевзап вообще предложил отвести 2-ю армию на линию Белосток – Бельск, что отдавало врагу Варшаву без сопротивления. Даже у такой неволевой и малокомпетентной Ставки, как русская, подобное предложение вызвало недоумение, смешанное с негодованием. Ясное дело – не мог же ген. Н.В. Рузский, только-только совершивший стремительный карьерный взлет (первый из командармов, повышенный до главнокомандующего армиями фронта – фактически четвертое лицо в военной иерархии действующей армии – после Верховного главнокомандующего, его начальника штаба и главкоюза ген. Н.И. Иванова), пожертвовать этой карьерой. Вот и отступали армии Северо-Западного фронта перед противником, уступавшим им в численности по меньшей мере в пять раз.

Русский Верховный главнокомандующий отлично понимал, что Гинденбург не имеет в своем распоряжении и 10 корпусов, так к чему же отступать еще дальше, сдавая без боя линию

Вислы, откуда должно было развиваться новое наступление? Так что вместо разрешения на отход генерал Рузский получил совершенно логичный и оправданный противоположный приказ о переброске 2-й армии к Варшаве и подготовке нового наступления в Восточную Пруссию силами 1-й и 10-й русских армий. Руководство ударной группировкой вверялось главнокомандующему ген. Н.И. Иванову, и, таким образом, в компетенцию Юго-Западного фронта переходила и 2-я армия ген. С.М. Шейдемана. Именно поэтому ген. Н.В. Рузский не торопился с выдвижением 2-й армии в район Варшавы, предлагая сдать ее противнику. Это при том, что в составе 2-й армии числилось лишь два корпуса. В ходе боев за Варшаву такие действия главкомсезапа едва-едва не приведут к падению польской столицы и проигрышу операции.

В то время как 4-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, не успевая подтянуться к Ивангороду, вели тяжелые бои вдоль линии Средней Вислы, штаб Северо-Западного фронта организовал новое наступление в Восточную Пруссию. Тем не менее наступление русских 1-й и 10-й армий, включавших в себя 9 корпусов числом в 280 тыс. чел., было успешно отражено двумя усиленными германскими корпусами общей численностью около 90 тыс. пехоты и 6 тыс. сабель: 8-я германская армия ген. Р. фон Шуберта опиралась на заблаговременно подготовленную систему укреплений, а русские войска под водительством генерала Н.В. Рузского никак не могли отказаться от методов фронтальной атаки. Так как немцы были все-таки несколько оттеснены в Пруссию в боях 15–30 сентября, Ставка объявила сражение «победой», но немцы в принципе и не могли разбить русских, имевших в своих рядах как минимум 4-кратное превосходство в живой силе. Зато действия 8-й армии сковали русские резервы до 20 сентября, как раз в момент броска ударной группировки ген. П. фон Гинденбурга к Варшаве и Ивангороду.

Главным виновником фактического провала операции (уничтожить немцев ведь все равно не удалось) был выставлен командарм-10 ген. В.Е. Флуг, которого отстранили с поста. Признать собственную вину, заключающуюся в оперативно-тактическом неумении организовать не только фронтовую, но даже и отдельные армейские операции, главкомсезап ген. Н.В. Рузский не собирался, что он неоднократно докажет и впоследствии. При этом главной причиной поражения стал отказ штаба фронта от маневра: русские части двигались вперед «стеной корпусов», нанося фронтальные удары в лоб. Такой пассивный метод ведения боя подчеркивает «меньшую тактическую подготовку» войск, «боязнь маневра» с их стороны. В условиях современной войны, ведущейся могущественным огнем и громадными массами войск, «не является необходимым, как сто лет тому назад, держать корпуса локоть к локтю, образовывать оперативную фалангу. Поддержка столкнувшихся с неприятелем частей становится возможной с пунктов, все более и более удаленных от места завязки боя»³². Талантливый полководец будет вести сражение на большем пространстве, умело используя тактику и оперативное искусство. Пространственность маневра вообще должна была быть присуща русской стороне, как обладающей превосходством в людском числе. Между тем русские полководцы «скупчили» войска, опасаясь фланговых ударов германцев, что приводило к большим потерям, ибо противник имел преимущество в огне. Лишь немногие отваживались действовать маневром и умением, а не числом и кровью.

Это было только начало. Не сумев захватить крепость Ивангород, Гинденбург бросил на Варшаву ударную группу ген. А. фон Макензена в составе трех корпусов. 25 сентября немцы заняли Лодзь, а 26 сентября подошли к району Варшавы, войдя в местечко Гройцы. Таким образом, перейдя к стратегической обороне под Ивангородом, Э. Людендорф перенес наступательные усилия на варшавское направление. Рузский не собирался защищать Варшаву, намереваясь укрепиться на правом берегу Вислы, но Иванов «настоял на необходимости удержать

³² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 463, 526.

Варшаву и использовать ее как плацдарм для перевода нескольких армий на левый берег Вислы и дальнейшего наступления на Берлин»³³.

В этот момент польскую столицу защищал Варшавский отряд ген. П.Д. Ольховского численностью в 55 тыс. штыков при 1629 орудиях, из которых 1459 орудий находилось в крепости Новогеоргиевск, севернее Варшавы (противник надвигался с юга), так как перед войной Варшава как крепость была упразднена и, следовательно, почти разоружена. Примечательно, что в этот тяжелейший момент ген. Н.В. Рузский нашел время, чтобы побывать в Ставке. 21 сентября в Барановичи, где находилась Ставка, прибыл сам император. Рузский приехал на следующий день, удостоился беседы с Николаем II и был произведен в генерал-адъютанты. Награда, конечно, вещь нужная, однако можно ли было подождать – когда германцы рвались к Варшаве, а фронт нуждался в управлении своего командующего?

В упорных кровопролитных боях 28–29 сентября немцы прижали Варшавский отряд к Висле, заняв ряд предместий. Варшава готовилась к спешной эвакуации. Так как 2-я русская армия еще не успела подойти к Варшаве, то город был бы обречен. Преувеличение русскими сил противника еще более играло на стороне немцев. Сумятица у столицы Польши даже вызвала слухи о смене командования: «Дела сейчас вообще плохие. Вместо Рузского теперь Куропаткин. Рузского выставили за то, что он стоял за отдачу Варшавы и выравнивание фронта. Кроме того, у него в штабе оказались шпионы»³⁴. Обратим внимание, что назначение А.Н. Куропаткина на должность главнокомандующего фронтом муссировалось уже осенью 1914 г.

Столицу Польши спасли подошедшие эшелоны с 1-м Сибирским и 4-м армейским корпусами, вступившими в бой прямо с колес. Группа генерала Макензена была остановлена, а затем отброшена от Варшавы. Так как польскую столицу непосредственно защищала 2-я армия Северо-Западного фронта, хотя ответственность за операцию нес штаб Юго-Западного фронта, вся слава досталась главкосевзапу ген. Н.В. Рузскому, практически не имевшему отношения к обороне Варшавы. Ведь 2 октября, уже после кризиса в Варшавском сражении³⁵, 2-я армия была возвращена в состав Северо-Западного фронта, и формально вышло, что обороной польской столицы руководил штаб Рузского. О том, что атаки 4-й и 5-й армий через Вислу позволили сковать часть неприятельских резервов, которые могли бы подкрепить группу Макензена, вообще не говорилось.

В результате 30 сентября директивой Верховного главнокомандующего ответственность за подготовку и выполнение контрудара была возложена на ген. Н.В. Рузского. Весь первый период Варшавско-Ивангородской операции генерал Рузский старался саботировать указания Ставки по выделению войск из состава Северо-Западного фронта под Варшаву. Главкосевзап боялся наступления противника из Восточной Пруссии и своего поражения, что в корне подрывало его послельвовскую репутацию. Такое опасение имело следствием постоянное намерение действовать против германцев превосходными силами, с абсолютным исключением риска из оперативной деятельности, и стремление держаться принципов раз принятого плана, с запаздыванием реагируя на изменение обстановки. Известный психолог указывает на «инертность ума» таких полководцев: «Упорство полководца никогда не должно иметь свой источник в недостаточной подвижности его ума, в косности мысли. Хороший полководец всегда видит наряду с принятым им планом действий возможность ряда других способов решения задачи. Бывают люди, ум которых настолько подчиняется однажды принятой ими руководящей идее, что не способен даже понять другого хода мысли, противоречащего этой идее или никак с ней не связанного... к роли военачальника люди с таким складом ума малопригодны. Еще хуже,

³³ Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 6–7.

³⁴ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 257.

³⁵ Подробнее см.: Нелипович С.Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М.: Цейхгауз, 2006.

если ум скован не собственной идеей, а определенными шаблонами мысли и действия. В первом случае ум, невзирая на узость и малую подвижность, может быть творческим и глубоким, во втором случае имеет место подлинная косность и слабость ума. Полководцы с таким инертным умом, находящимся во власти мертвых шаблонов, заведомо обречены на неудачи»³⁶.

Иными словами, в стремлении удержать на плаву стремительно развивавшуюся карьеру, ген. Н.В. Рузский боялся потерпеть поражение и быть смененным. Потому-то он перешел к обороне превосходными силами. А в конечном итоге повернул дело так, что оказался заодно и «героем Варшавы». Нельзя не сказать, что передача района Варшавы и права на контрнаступление от ее фортов были переданы Рузскому Ставкой в связи с неспособностью главкоюза Иванова справиться с задачей руководства той массой войск, что располагалась между Варшавой и Перемышлем. Поэтому управление войсками, действующими на Средней Висле, было разделено между фронтами, причем главкосевзапу логично достался район Варшавы³⁷. Определенные круги польского истеблишмента даже настаивали на преподнесении главкосевзапу польской общественностью почетной шпаги «За спасение Варшавы». Тем не менее генерал Рузский отказался от всех этих ненужных почестей. Однако в памяти общественности имя Н.В. Рузского стало прочно связываться с отражением германского наступления на Варшаву в 1914 г.

Со сосредоточением 2-й, 4-й и 5-й армий Ставка предписала войскам фронтов перейти в атаку. В ходе русского контрнаступления, начавшегося 8 октября, австро-германцы потерпели поражение и стали отступать. Но при этом генерал Людендорф составил план нового удара по Варшаве с северного фланга через крепость Торн. И пока русские фронты, преодолевая разрушенную противником в ходе отхода инфраструктуру, медленно сосредоточивались на левом берегу Вислы, готовясь к очередной попытке наступления на Берлин, германцы уже проводили перегруппировку. Уже 29 октября, не дав русским времени на передышку, германская 9-я армия ген. А. фон Макензена бросится вперед, отрезая 2-ю русскую армию, расположившуюся в Лодзи. Главным козырем немцев, дававшим им преимущество в бою, было превосходство в тяжелой артиллерии. В приказе по войскам фронта от 16 октября 1914 г. Рузский в ответ на сообщения, что войска жалуются на впечатление огня тяжелой германской артиллерии, указал: «Внушить войскам, что сила огня тяжелой артиллерии проявляется, главным образом, при стрельбе на большие дистанции и лучшим средством ослабить потери от этого огня – это приблизиться к противнику на меньшую дистанцию, так как на средних, а особенно на близких дистанциях сила огня тяжелых орудий значительно слабее; переменить же позиции тяжелая артиллерия скоро не может»³⁸. То есть – атака есть лучшая панацея от губительности огня.

Нельзя не отдать должное организаторскому уму ген. Н.В. Рузского. Подготавливая наступление в Германию, великий князь Николай Николаевич потребовал от штабов фронтов представить собственные идеи по поводу предстоящего наступления. Рузский предложил наступать тремя группировками от Восточной Пруссии до Галиции. Ударная часть – 2-я, 5-я, 4-я армии. Корпуса 1-й армии – прикрывают главную группировку со стороны Восточной Пруссии. Таким образом, генерал Рузский фактически предлагает разделить разросшийся Северо-Западный фронт на два (23 октября именно Н.В. Рузский вновь предложил создать против Восточной Пруссии самостоятельный фронт³⁹, сознавая, что одновременно руководить и наступлением в глубь Германии, и сковывать восточнопрусскую группировку противника – дело нелегкое). Также главкосевзап предлагает наступать сразу на всем Восточном

³⁶ Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990. С. 129–130.

³⁷ История Первой мировой войны 1914–1918. М., 1975. Т. 1. С. 371.

³⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 51. Л. 171.

³⁹ Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. М. – Л., 1936. С. 60.

фронте, чтобы не давать неприятелю возможности маневрировать резервами, перебрасывая их на избранные направления.

В свою очередь, главкоюз ген. Н.И. Иванов смещал фронт наступления к югу – в район Кракова и Верхней Вислы. План ген. Н.В. Рузского имел в виду силезско-познанское направление, которое кратчайшим путем вело к Берлину. Понятно, что предложение главкосевзапа более отвечало намерениям великого князя Николая Николаевича. Так что Янушкевич отказал штабу Юго-Западного фронта в штурме Краковского крепостного района, предпочитая наступать прямо на Берлин. В итоге, как стало ясно, Верховный главнокомандующий, рассмотрев предложения главнокомандующих фронтами, принял немного измененный план генерала Рузского, как более отвечающий склонным к скорейшей «выручке» союзников идеям Ставки. Компромиссным решением стал отказ от образования нового фронта, с передачей ударной группировки в состав Северо-Западного фронта, которая по большей части и составлялась из его войск. В то же время сосредоточение в 10-й армии ген. Ф.В. Сиверса, блокировавшей Восточную Пруссию, больших сил не позволит главкосевзапу иметь сильные резервы.

Таким образом, великий князь Николай Николаевич предоставил свободу инициативы полностью в руки главнокомандующего Северо-Западным фронтом, который должен был возглавить вторжение в Германию. При этом штаб Ставки не внес никаких уточняющих положений в разработанный штабом Северо-Западного фронта и впоследствии утвержденный Ставкой план наступления. Единственное, на чем настаивал Верховный главнокомандующий, – это поджимание сроков перехода в наступление, чтобы не потерять темпа после окончания Варшавско-Ивангородской операции. Соответственно, ген. Н.В. Рузский фактически становился главным виновником исхода операции: слава победы или горечь поражения, прежде всего, ложились на его ответственность.

Еще в ходе контрнаступления ген. Н.В. Рузскому было выказано очередное благоволение Ставки. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич 22 октября представил главкосевзапа к награждению орденом Св. Георгия 2-й степени. За две недели до того к этой же награде был представлен главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов. Сам великий князь Николай Николаевич был награжден лишь орденом Св. Георгия 3-й степени. Относительно высокой чести этого ордена следует сказать, что к началу Первой мировой войны в Российской империи в живых было всего девять кавалеров ордена Св. Георгия 3-й степени, а кавалеров 2-й степени – ни одного⁴⁰.

Теперь бывший начальник и подчиненный сравнялись друг с другом. Следовательно, взятие Львова было приравнено к общему руководству четырьмя армиями фронта в Галицийской битве. А главное, беспрецедентная награда в виде двух орденов Св. Георгия еще более увеличилась, став тройной наградой за одну и ту же операцию. Как ни суди, а это – оценка действий 3-й армии и лично генерала Рузского в ходе Галицийской битвы Верховным главнокомандованием и, следовательно, оценка самого Верховного главнокомандования, допустившего данный прецедент. Из трех лучших полководцев Российской империи периода Первой мировой войны двое – М.В. Алексеев и А.А. Брусилов – вообще не получают такой высокой награды. Третий – ген. Н.Н. Юденич – будет награжден только после Эрзерума, получив две предшествовавшие степени за Сарыкамышскую и Алашкертскую операции. Месяцем раньше ген. Н.В. Рузский был пожалован вензелем генерал-адъютанта.

29 октября германцы начали новую операцию – Лодзинскую. Успешно совершив стремительную и не разгаданную русскими перегруппировку своих сил из Познани в Восточную Пруссию, германское командование на Востоке вновь вырвало инициативу действий. Ударная 9-я армия ген. А. фон Макензена в составе пяти с половиной армейских корпусов и пяти кавалерийских дивизий, сведенных в два кавалерийских корпуса, нанесла удар встык между 2-й

⁴⁰ Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980. С. 118.

русской армией ген. С.М. Шейдемана, готовившейся в Лодзи к наступлению на Берлин, и 1-й русской армией ген. П.К. Ренненкампа, еще только подтягивавшейся к Ловичу от Варшавы. Часть сил 9-й германской армии была переброшена из Франции. Тактической целью удара ставилось окружение 2-й русской армии в Лодзи и ее уничтожение. Стратегической целью – срыв готовившегося на 31 октября русского наступления в глубь Германии. По фронту удар 9-й германской армии поддерживался атаками 2-й, 1-й и 4-й австро-венгерских армий, а также немецкой группой ген. Р. фон Войрша.

В свою очередь, главкомсевзап даже не сумел четко сориентировать своих подчиненных в задачах готовившегося наступления. Полагаясь всецело на численное преимущество, и не надеясь на маневр, Н.В. Рузский намеревался вытеснить немцев на территорию Германии, давя и нажимая числом, а не умением. Вдобавок к просчетам штаба фронта, испытывавшего «шатание» оперативной мысли, добавились некомплект войск и, как его следствие – отсутствие резерва главкома, который мог бы парировать любые не предвиденные планом случайности. В результате «главнокомандующим фронтом не была поставлена ясная и четкая задача в предстоящей операции командующим армиями. Последние, в традициях заученной в Академии Генерального штаба устаревшей стратегии, уяснили боевую задачу как равномерное наступление по фронту и вытеснение противника. Таким образом, не добившись единого понимания предстоящей операции командующими армий, корпусов и дивизий, главкомандующий обрек фронт на неподготовленное наступление в отсутствие сильного резерва»⁴¹. Добавим, что и директива Ставки требовала закрепления на определенных рубежах, прежде чем приступить к наступлению на Берлин.

Русское командование ожидало обороны неприятеля в Познани, строго к западу от Вислы, а получило удар с севера за два дня до окончания сосредоточения для наступления. Тем самым русское планирование рушилось в самом начале: теперь уже русские фронты были вынуждены обороняться. В составе 9-й германской армии насчитывалось 155 000 штыков и сабель при 960 орудиях и 450 пулеметах. С учетом резервов – 280 000 чел. при 1450 орудиях и 700 пулеметах. Три русские армии (1-я, 2-я и 5-я) имели в своем составе 368 500 штыков и сабель при 1300 орудиях и 740 пулеметах, в том числе в составе 2-й армии 160 000 чел. при 540 орудиях и 540 пулеметах⁴².

Первый удар противника обрушился на 5-й Сибирский корпус ген. Л.Л. Сидорина из состава 1-й армии, прикрывавший северный (правый) фланг 2-й армии. Не имея переправ через Вислу, 1-я армия не могла помочь своему авангарду. Оттеснив сибиряков, немцы ударили по 2-му армейскому корпусу ген. А.Е. Чурина, обозначая маневр на окружение 2-й армии в Лодзи. В то же время в штабе Северо-Западного фронта еще не придавали должного значения сражениям, развернувшимся на северном фланге 2-й армии... Главкомандующий армиями Северо-Западного фронта ген. Н.В. Рузский посчитал начавшееся сражение боями местного характера, а отход сибиряков – неустойчивостью войск и неумением начальников. В Ставке же еще 31 октября полагали, что германцы только-только начали свою перегруппировку и боями на северном фланге пытаются прикрыть свое расположение. Следовательно, несмотря на общее превосходство в силах, русские оказались слабее германцев на направлении главного удара. Дальше – больше: оттеснив стоявшие на дороге русские корпуса, генерал Макензен бросил в тыл 2-й русской армии 25-й резервный корпус ген. Р. фон Шеффер-Бояделя.

С самого начала главкомсевзап неверно оценивал складывавшуюся обстановку. О сосредоточении крупных масс противника у Торна разведка донесла еще 27 октября, а 28–29 числа в штаб Северо-Западного фронта шли телеграммы, говорившие об угрозе германской группировки.

⁴¹ Порошин А.А. Управленческая деятельность главкомандующего Северо-Западным фронтом генерала Н.В. Рузского в Лодзинской операции // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 51.

⁴² Рыбин Д. Лодзинская операция в 1914 году. М., 1938. С. 11, 14.

ровки на правом фланге 2-й армии, но Рузский не верил разведанным. Потому-то сосредоточение ударной группировки прикрывалось одним 5-м Сибирским корпусом, что русские не верили в возможность немецкого сосредоточения у крепости Торн. Еще 26 октября Н.В. Рузский докладывал в Ставку, что противник, по всей видимости, готовится нанести встречный удар наступлению 2-й и 5-й армий. Но, по мысли главкосевзапа, этот удар мог быть возможен только в лоб на левом берегу Вислы, правда, возможно, «соединенный с ударом в правый фланг 2-й армии со стороны Нижней Вислы», где обнаружено сосредоточение неприятеля. То есть ген. Н.В. Рузский принял главную германскую группировку за вспомогательную, и наоборот. Участник войны характеризует генерала Рузского следующим образом: «...“рассудительность” его доходила до крайних пределов. Самый простой и ясный вопрос он обсуждал настолько продолжительно, что даже надоедал слушать офицерам его партии на полевых поездках... “тяжкоум”... Конечно, с такой особенностью духовного склада трудно быстро разгадать план противника или группировку его сил только по признакам, а не по разведкам, которые надо к тому же тщательно “проверить”»⁴³.

1 ноября великий князь Николай Николаевич передал 4-ю армию в подчинение Северо-Западному фронту и поручил Рузскому начать наступление в глубь Германии. Этот приказ говорит о том, что высшие штабы еще не осознали масштабов нависшей катастрофы: даже и на пятый день операции штаб фронта оставался в неведении относительно ее истинных масштабов. Сведениям, шедшим с атакуемого фронта, не верили. В тот же день генерал Рузский переподчинил 2-й армейский корпус 2-й армии командарму-1 П.К. Ренненкампу и приказал ему выбить неприятеля из района Кутно. В то же время, по мысли штаба фронта, 2-я армия, которая уже попадала в окружение, должна была, следуя ранее поставленной задаче, наступать на запад. Командарм-2 С.М. Шейдеман сразу же, как только получилось известие о боях на его северном крыле с сибиряками, заподозрил неладное. Но и он, в свою очередь, к сожалению, также не отважился противоречить своему равному Рузскому. Поэтому Шейдеман пошел на компромисс между требованиями штаба фронта и собственной реальной оценкой сложившейся обстановки: наступление 2-й армии, начавшееся 31 октября, протекало вяло, уступами, с поочередным прикрытием правого северного фланга двигавшимися вперед эшелонами.

2 ноября противник вклинился в промежуток между русскими 1-й и 2-й армиями, начав маневр по оттеснению 1-й армии за Вислу и Варту и окружению 2-й армии. Постепенно соединения 2-й армии стали вводиться в бои севернее и восточнее Лодзи, куда уже прорвался противник, а наступление само собой остановилось. И только теперь главнокомандующий армиями фронта отдает приказ о приостановке наступления 2-й армии и переброске 5-й армии П.А. Плева форсированными маршами под Варшаву и Лодзь. 4 ноября бои вокруг Лодзи запылали по всему фронту: с севера, востока и запада. Лишь на юге, откуда двигался командарм-5, войска 2-й армии не имели перед собой противника. О тяжести боев под Лодзью дает представление письмо офицера, участвовавшего в этих боях: «Все эти бои такой ужас, что и теперь я могу понять тех людей, которые в предвидении ожидающих их ужасов седеют, простреливают себе руки, ноги, лишь бы уйти из строя, или стреляются насмерть. Я их теперь не могу осуждать, потому что современная война требует такого страшного напряжения нервов, что они могут не выдержать»⁴⁴.

Утром 5 ноября германцы, поняв слабую боеспособность русской 1-й армии в наступлении, но, зная стойкость русских солдат в обороне, решают окружить только 2-ю армию. Опять-таки Макензен применил излюбленные немцами двойные «клещи»: с юго-востока начал обходной маневр 20-й армейский корпус (русский правый фланг), а усиленный 25-й резервный корпус, которым командовал генерал Шеффер, – с севера на юг. Именно группировка Шеффера и

⁴³ Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. Харбин, 1936. С. 177.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 339. Л. 84.

наносила главный удар, отрезая русскую 2-ю армию от 1-й. В то же время командармы Северо-Западного фронта фактически должны были действовать на свое усмотрение. Соответственно, в случае поражения всегда находились «козлы отпущения», а в случае победы – триумфатором представлял главкосевзап и его штаб. Во введении к сборнику документов советская редакция указывает: «Штаб фронта и, главное, Рузский, по-видимому, не сознавали, что исключительная обстановка требует исключительных мер. Вместо того, чтобы лично вести ударную группу 1-й армии на выручку 2-й и 5-й армий, Рузский все это дело возложил на Ренненкамппа, а сам с оперативным отделом штаба фронта выехал из Варшавы подальше в тыл – Седлец (200–250 км от фронта)»⁴⁵.

8 ноября немцы ворвались на юго-восточную окраину Лодзи, и лишь решительный контрудар всех войск, что оказались под рукой, позволил командарму-2 ген. С.М. Шейдеману удержаться. В этот момент, с подходом 5-й армии, с вечера 7-го числа, общее руководство оборонительными боями перешло в руки командарма-5 ген. П.А. Плева, так как штаб фронта находился глубоко в тылу. Одновременно задача разрыва почти уже образовавшегося «котла» была возложена на 1-ю армию, которая 9 ноября перешла в решительное наступление.

К 9 ноября в ходе развития Лодзинской операции и ее перелома в пользу русских, сумевших склонить успех на свою сторону доблестью солдат и численным превосходством, под самой Лодзью образовался «слоеный пирог»: обходившие фланги друг друга противники перемешались, и вышло так, что окружавшие сами стали окруженными. Ударная германская группа ген. Р. фон Шеффера-Бояделя, почти уже окружив русские силы в районе Лодзи, сама попала в окружение после перехода русских 1-й и 5-й армий в контрнаступление. Наступление 1-й армии Ренненкамппа позволило русским поймать в «мешок» прорвавшуюся в русский тыл ударную группу германской 9-й армии – 25-й резервный корпус, 3-ю гвардейскую резервную дивизию и 9-ю кавалерийскую дивизию. Вечером 8 ноября Шеффер-Боядель, уже потерявший в боях восточнее Лодзи $\frac{3}{4}$ состава своих войск, получил приказ начать отступление. При этом германцы должны были пробиваться навстречу своей деблокирующей группировке на северо-запад, дабы оторваться от наседавшей русской конницы и Ловичского отряда, образованного из войск 1-й армии.

К этому моменту группировка ген. Р. фон Шеффера насчитывала всего 13 тыс. активных штыков и сабель. При этом Шеффер вел за собой 16 тыс. русских военнопленных и 64 трофейных орудия. Положение немцев казалось безнадежным, в русской Ставке и штабе Северо-Западного фронта предвкушали триумф, чтобы хоть немного рассчитаться за Танненберг. Однако русская конница, введенная в заблуждение относительно реальной численности противника (русских пленных посчитали за германцев), не решилась атаковать.

Оторвавшиеся от преследования немцы вышли к последнему рубежу русского «котла» на западной его стороне. В ходе боя 9—10 ноября с русской 6-й Сибирской стрелковой дивизией группа Шеффера, вместе с трофеями, практически сумела вырваться из окружения. В ночь на 11 ноября немцы, накануне вечером выведшие из боя все свои части и сконцентрировавшие их для решительного броска на северо-запад, начали прорыв на северном направлении. Помощи сибирякам не было. Дело заключалось в решительном просчете штаба Северо-Западного фронта: генерал Рузский отдал приказ об общем отходе армий фронта на восток в ночь на 11-е число. То есть, поняв, что 2-я армия теперь может выйти из окружения, комфронта отказался от продолжения борьбы за инициативу действий и решил перейти к оборонительным действиям, полагая исход боев под Лодзью проигранным. Следовательно, несмотря на то, что командарм-1 опротестовал перед Ставкой решение Рузского и распорядился продолжить наступление, приказ штаба фронта внес определенную сумятицу в штабы армий и корпусов,

⁴⁵ См.: Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. М. – Л., 1936. С. 20.

вследствие чего окружение германской группы Шеффера не было завершено плотным обложением.

Накануне русским командованием в этот район были поданы специальные поезда для отправки немецких пленным в тыл. Перехватившие телеграмму с этой информацией немцы полагали, что в развитии операции наступил самый критический момент. В свою очередь, русские штабы справедливо полагали, что группа ген. Р. фон Шеффера не сумеет уйти. Но фактор военного счастья и бездействие конницы сыграли немцам «в руку». Горстка пехоты дралась, в то время как две пехотные дивизии и ряд кавалерийских бригад даже не пытались вступить в бой. Как и всегда, кровь героев-сибиряков пролилась напрасно: от 6-й дивизии осталось лишь 1,5 тыс. чел. Кроме того, немцы взяли в плен раненых сибиряков: 3,5 тыс. солдат и 440 офицеров. Несмотря на громадные потери в ходе боев восточнее и южнее Лодзи (немцы потеряли здесь до 40 тыс. чел.), триумф противника был неоспорим. Мало того, что группа Шеффера пробилась из «котла», так еще с пленными, превышавшими по числу германскую группировку.

Главным виновником удавшегося прорыва германцев из окружения по праву является главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. Н.В. Рузский. Как говорилось выше, в ночь на 9 ноября он отдал распоряжение об отходе в ночь на 11-е число с северного участка всех трех армий. Конечно, генерал Рузский опасался, что противник сомнет северное внешнее кольцо окружения. Командармы П.А. Плеве и П.К. Ренненкампф выступили против такого решения, вновь отдававшего инициативу противнику, однако Н.В. Рузский сумел-таки настоять на выполнении приказа. Начавшийся было отход, грозивший обратиться в беспорядочное бегство, был остановлен волей Верховного главнокомандующего, превосходно сознававшего опасность подобных действий. Однако приостановка организации контрудара со стороны войск 1-й и 5-й армий имела следствием то обстоятельство, что на пути вырывавшегося ген. Р. фон Шеффера в Брезинах оказалась только одна русская 6-я Сибирская дивизия. Подкрепить ее по собственной инициативе П.К. Ренненкампф не решился, опасаясь собственного же начальства, предпочитавшего потерпеть поражение, но не признать собственных ошибок. Участник войны указывает, что генерал Рузский по своим личным качествам – «всегда склонный к предвзятости». В итоге, отдав приказ об отходе от Лодзи, «вместо стремления к победе, тень которой уже появилась над русскими войсками, Рузский отказался от продолжения борьбы, и стремился выйти из боя и начать отход. Тщетно Ставка протестовала против такого отхода, указывая на отсутствие тыловых путей для 2-й армии. Рузский с упорством настаивал на выполнении отхода. “Хорошо, что он дал сутки на подготовку к отходу, иначе получился бы Мукден или Ляоян”, – так писал Янушкевич Сухомлинову»⁴⁶

⁴⁶ *Корольков Г.К.* Лодзинская операция 2.11–19.12.1914 г. М., 1934. С. 134.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.